ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

ВАРДАК Спожмей

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ АФГАНИСТАН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель –
профессор кафедры политологии и политической философии ФГБОУ ВПО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», доктор философских наук,
КУКАРЦЕВА Марина Алексеевна

Москва, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……. 3

Глава первая. Феномен государства в XXI веке

Пар.1 Государственность как особое качество государства ……..15

Пар.2 Формирование государственности и политической процесс……34

Глава вторая. Деконструкция государственности Афганистана

Пар. 1 Трансформации государственности Афганистана…….48

Пар. 2 «Система имама» - особенности государственности Афганистана времен Исламского эмирата талибов……62

Пар 3. «Система альянса»- особенности государственности Афганистана периода первого президентства Х. Карзая ……72

Глава третья . Реконструкция государственности Афганистана

Пар. 1 Попытка Х. Карзая периода второго президентства создать «секулярную систему» государственности – «модель Карзая» …….78

Пар. 2 Система «государства-нации» как цель политического процесса президента Ашрафа Гани……89

Пар.3 Перспективы возрождения государственности Афганистана…… 98

Заключение……...106

Список источников и литературы……111

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

В современном мире задача изучения феномена государства является более чем актуальной. Отчасти это объясняется незавершенностью формирования нового глобального мирового порядка, который возник на основе системного кризиса ялтинско-потсдамской системы международных отношений. Вслед за дискуссиями о «смерти» государства, замене его международными организациями или сетевыми структурами, которые сами государства и создают, возникли дебаты о государственной состоятельности государств, располагающихся сегодня на политической карте мира. Многие из них, особенно государства со спорным суверенитетом и так называемые несостоявшиеся, представляют собой не просто сложное явление, требующее специального политического анализа. Наличие и рост числа таких государств являются источником нестабильности международных отношений, одной из причин современных геополитических трансформаций, о чем, в частности, свидетельствует и текущий миграционный кризис в Европе.

Афганистан на протяжении ряда лет является государством, стабильно входящим в первую десятку ежегодно публикуемого индекса несостоявшихся государств. Его государственность долгие годы находится в состоянии глубокого кризиса, политические институты работают неслаженно, цели политического процесса меняются каждый раз вместе с приходом новой власти. Тем самым политическая преемственность постепенно утрачивает свою эффективность, способность общества и политического класса к устойчивому, исторически длительному оптимальному воспроизводству существенно ограничена. Сегодня Афганистану необходимо выстроить и отладить свою политическую и правовую инфраструктуру, что чрезвычайно важно как для стабилизации ситуации внутри страны, так и вокруг нее. Любая интернационализация

тлеющих в Афганистане конфликтов разного рода приведет к обострению ситуации в регионе, в эти конфликты втянутся и станут их участниками другие государства, и не только сопредельные. Укрепление же, например, в регионе позиций стран Запада с неизбежностью будет означать рост числа проблем для России и ее союзников в Центральной Азии. Поэтому обращение к изучению логики (и ее нарушений), перспектив становления государственности Исламской Республики Афганистан, выявление трудностей и противоречий на этом пути, возможностей достижения успехов в налаживании оптимального и эффективного управления афганским обществом – не только актуально и своевременно, но и чрезвычайно важно.

Объектом исследования является государственность Республики Афганистан.

Предметом исследования – природа и особенности трансформации государственности Республики Афганистан.

Официальные документы и источники

Концепция внешней политики Российской Федерации;

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года;

Конституция Королевства Афганистан 1923 года (Амануллы- шаха);

Конституция Королевства Афганистан 1931 года (Надир-шаха);

Конституция Королевства Афганистан 1964 года (Мухаммада Захир Шаха);

Конституция Демократической Республики Афганистан 1973 года (М. Дауда);

Конституция Королевства Афганистан 1977 года;

Основные принципы ДРА 1980 года;

Основной закон Республики Афганистан 1987 (Наджибуллы);

Конституция Исламской Республики Афганистан 2004 года.

Степень научной разработанности проблемы

Прежде всего диссертант опирался на общетеоретические и практические исследования по международным отношениям и внутренней политике стран, проведенные учеными Дипломатической академии МИД России. Труды Н.Е. Бажановой, Е.П. Бажанова, Ю.П. Бойко, С.А. Егорова, А.Г. Задохина, Т.А. Закаурцевой, О.П. Иванова, М.А. Кукарцевой, Т.А. Мозель, М.А. Неймарка, А.Ю. Рудницкого, В.М. Татаринцева, В.В. Штоля, А.Д. Шутова, О.Г. Пересыпкина, А.И. Вавилова, Н.И. Козырева, А.М. Мустафабейли и многих других были положены в теоретическую основу работы[1]. Также важным источником стали материалы, содержащиеся в коллективных монографиях ученых Дипломатической Академии МИД России «XXI век: перекрестки мировой политики» и «Современный мир и геополитика»[2]. Среди работ других отечественных исследователей в области теории политической науки внимание диссертанта привлекли исследования политического процесса, государства, государственности и государственной состоятельности И.И. Кравченко, Ю.А. Тихомирова, В. Малахова, А.Ю. Мельвиля и др.[3] Среди зарубежных ученых диссертант опирался в этом

[1] *Бажанов Е.П.* Китай и внешний мир. – Москва: «Международные отношения», 1990. – 351 с.; *Бажанов Е.П.* Америка: вчера и сегодня. В 2-х тт. – Москва: Известия, 2005; *Бажанов Е.П.* Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. – Москва: «Известия», 2007. – 352 с.; *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Международные отношения в XXI веке. – Москва: «Восток-Запад», 2011; *Бойко Ю.П.* Национальные государства. – Москва: «Известия», 2006; *Егоров С.А.* Вооруженные конфликты и международное право, (12.00.10). – Москва, 1999. – 285 с.; *Закаурцева Т.А.* Внешнеполитическая мысль США (эволюция теории экспансионизма и совершенствование аппарата её реализации в конце XIX – начале XX в.) – диссертация кандидата исторических наук, 07.00.03. – Ленинград, 1988; *Иванов О.П.* Военная сила в глобальной стратегии США. – Москва, 2008; *Кукарцева М.А.* О Лжи в политике // Обозреватель. – 2014. – № 8; *Мозель Т.Н.* Теоретические основы международных отношений. – Москва, 2000; Перекрестки мировой политики / Отв. ред. М.А. Неймарк. – Москва, 2014; *Рудницкий А.Ю.* Азиатско-Тихоокеанский регион и общемировое развитие // Внешняя политика и дипломатия стран Азиатско-Тихоокеанского региона. – Москва, 1998. *Татаринцев В.М.* Африка в современном мире. – Москава, 2003; *Штоль В.В.* Армия «Нового мирового порядка». – Москва: ОГИ, 2010. – 384 с.; *Шутов А.Д.* Избранные статьи. – Москва, 2009; *Мустафабейли А.М.* К истории развития российско-иранских отношений // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2014. – № 1.

[2] XXI век: перекрестки мировой политики / Под ред. М. Неймарка. – Москва: Канон+, 2014; Современный мир и геополитика / Под ред. М. Неймарка. – Москва: Канон+, 2015.

[3] *Малахов В.* Национальные государства перед лицом культурного плюрализма // ЖЗ – Логос. 2006. № 2; Судьба государства в эпоху глобализации М, 2005; *Кравченко И.И.* Бытие политики. – Москва: ИФ РАН, 2001; Понятие государства в четырех языках: Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. – СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002. – 218 с.; *Морозова Л.А.* Влияние глобализации на функции государства // Государство и право. – Москва: Наука. 2006. № 6. – С. 101–107;

вопросе на труды Дж. Неттла, Ч. Тилли, Р. Эванса, М. Манна и др. [4], а также Дж. Лучиани, Л.В. Пай, Ф.К. Лоуренса, С. Хантингтона, Д. Робертсона, Ф. Ташау, С.Б.А.Р. Аль-Хаджил и других[5].

Большой интерес в контексте исследуемой проблемы представляют труды о роли религии в современном мире таких российских ученых, как Е.П. Бажанов, А.И. Кырлежев, А.В. Митрофанова, М.А. Кукарцева, Д. Узланер, С.С. Хоружий[6], и зарубежных исследователей - К. Штёкль, А.И. Неклесса, Ю. Хабермас, Ч. Тэйлор, П. Норрис, Л. Булл, К. Леггеви, Ж. Казанова, Б. Вилсон, А. Грили, Р. Нойхаус, В. Джоджган, Д. Хент, Л. Салливан, Г. Бозетти, К. Эдер, Дж. Бэкфорд и др.[7]

Глобализация, государство, право, XXI век: сборник // Под ред. В.И. Блищенко. – М.: Городец, 2004; *Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г.* Государственная состоятельность, демократия и демократизация (На примере посткоммунистических стран) // Политическая наука. – 2012. – № 4; *Ильин М.В.* Пределы государственной состоятельности стран мира // Сравнительная политика. – 2011. – № 3. – С. 37–45.

[4] *Nettl J.* The State as a Conceptual Variable. World Politics, 20(4). 1968. – Pp. 559–592; *Tilly Ch.* The Formation of National States in Western Europe. – Princeton: Princeton University Press, 1975. – 711 p.; *Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T.* Bringing the State Back In. Cambridge University Press, 1985. – 404 p; *Mann M.* The autonomous power of the state: its origins, mechanisms and results. – Archives européennes de sociologie 25; 1984.

[5] *Вебер М.* Избранные произведения. – Москва: Прогресс. 1990; *Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий // Избранное. Образ общества. – Москва: Юрист; 1994; *Derbyshire J. D., Derbyshir I.* Political systems of the world. – New York: St. Martin's Press, 1996; *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – Москва: Мысль, 2001; *Giacomo Luciani.* The Arab state. – London: Routledge. 1990; *Pye L.W.* The non-western political process // Journal of politics, 1957; *Philip K.* Laurence: Democracy and the liberal state. – Dartmouth: Aldershot, 1989; *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – Москва: АСТ, 2006; *Robertson D.* A dictionary of Modern Politics. – London: Europa Publications Limited, 1993; *Tachau F.* Political parties of the Middle East and North Africa. – London: Mansell. 1994; *Suleiman Bin Abdul Rahman Al-Hageel.* Human rights in Islam. – Riyadh, 2001.

[6] Бажанов Е. Войны с исламом не будет // Независимая газета. - 2012. - №194. – С.3. Кырлежев А. Ислам и Запад после 11 сентября // Континент. – 2002. - № 112. Кырлежев А. Постсекулярная эпоха // Континент. – 2004.- № 120. Кырлежев А. Взаимоотношение концепции прав человека и религиозных ценностей // Континент. – 2007. - № 132. Кырлежев А. Постсекулярная концептуализация религии. К постановке проблемы // Государство. Религия. Церковь. – 2012. - №2(30). – С.52-68. Кукарцева М.А. Постсекулярный мир и мировая политика // Мир и политика. - 2012. - №8 (71). Митрофанова А.В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» // Век глобализации. – 2008. – № 1. - С. 109-119. Узланер Д. От секулярной современности к «множественным»: социальная теория о соотношении религии и современности // Государство. Религия. Церковь. – 2012. - №1 (30). – С.8-32. Хоружий С.С. Антропологические изменения постсекулярной парадигмы // Доклад на рабочем семинаре российско-итальянского исследовательского проекта «Политика, культура и религия в постсекулярном мире» (Фаенца, Италия, 12-14 мая 2011 г.). – С.1-4. Хоружий С.С. Постсекулярный диалог в православной перспективе // Институт синергийной антропологи [Электронный ресурс]: май, 2012. – Режим доступа: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/05/hor_postsecul_dialog_rodos.pdf Штёкль К.Европейская интеграция в русское православие: две перспективы в рамках парадигмы множественных современностей // Государство. Религия. Церковь. – 2012. – № 1 (30) . – 57-82. Неклесса А. Опасный транзит человечества // Независимая газета. – 2011. – № 267. – С. 5.

[7] *Habermas Jürgen.* New social movements // Telos. – 1981. – 49 (3): 33–37; *Habermas Jürgen.* The theory of communicative action:. Vol. 2 life world and system. – Boston, MA: Beacon Press, 1987; *Habermas Jürgen* Religion and rationality, edited by Eduardo Mendieta. – Cambridge, UK: Polity Press, 2002; *Habermas*

Исследуя основы мусульманской государственности, диссертант основывался на работах российских ученых – Е.М. Примакова, М.А. Сапроновой, А.М. Васильева, Е.С. Мелкумян, В.В. Наумкина, А.В. Смирнова, Е.Я. Сатановского, Г. Мирского, В.Я. Белокриницкого, В.И. Юртаева, С.Б. Дружиловского и др.[8]

Jürgen. The future of human nature. – Cambridge, MA: Polity Press, 2003; *Habermas Jürgen*. Religion in the public sphere // European Journal of Philosoph. – 2006. – 14(1):1–25; *Habermas Jürgen.*2008a. Notes on a post-secular society. Sign and Sight. Available at http://print.signandsight.com/features/1714.html,accessedOctober,62008. Habermas, Jürgen. 2008b. Between naturalism and religion. Philosophical essays. Cambridge, UK: Polity Press. Habermas, Jürgen. 2010. Areply. In An awareness of what is missing: Faith and reason in a post-secular age, edited by Norbert Brieskorn, Jürgen Habermas, Michael Reder, Friedo Ricken, and Josef Schmidt, pp. 72–83. Cambridge, UK: Polity. *Habermas Jürgen*. "The political": The rational meaning of a questionable inheritance of political theology. In The power of Religion in the public sphere, edited by Eduardo Mendieta and JonathanVanantwerpen, pp. 15–33. NewYork: Columbia University Press, 2011; *Taylor Charles.* A secular age. Cambridge, MA, 2007; Belknap Press, 2011; Why we need a radical redefinition of secularism. In The power of religion in the public sphere, edited by Eduardo Mendieta and Jonathan Vanantwerpen. – P. 50. – New York: Columbia University Press; *Norris P.* Inglehart R. Sacred and Secular. Religion and Politics Worldwide. Cambridge, 2004; *Bull H.* The Anarchical Society. – N. Y.: Columbia Univ. Press, 1977; *Леггеви Клаус*. Ослепление озарением // Internationale Politik. – 2008. – № 8; *José Casanova.* "Secularization," in International Encyclopedia of the Social and Behavioural Sciences, ed. J. Smelser Neil and Paul B. Baltes (Amsterdam, Paris et.al.: Elsevier, 2001); *Wilson B.* Religion in Secular Society: a Sociological Comment. L.: Watts, 1966. P. XIV.Greeley, Andrew M.1966. Aftersecularity: The neo-Gemeinschaft society: A post-Christian postscript // Sociological Analysis 27(3): 119–27. – С. 126; *Neuhaus Richard John.* Educational diversity in post – secular America. Religious Education. – 1982. – 77 (3): 309–320. – С. 309. *Geoghegan Vincent n.d.* Religious narrative and postsecularism.Unpublished paper. – Belfast, UK: Queen's University Belfast. De Vries, Hent and Lawrence E. Sullivan (eds). 2006. Political theologies: Public religions in a post-secular world.Bronx, NY: Fordham University Press. – P. 2-3; *Bosetti Giancarlo and Klaus Eder*. Post-secularism: Areturntothepublicsphere. Eurozine 17 August, 2006. Availableathttp://www.eurozine.com/articles/2006-08-17- eder.en.html. *Eder Klaus*. Europäische Säkularisierung. Ein Sonderweg in die postsäkulare Gesellschaft [European secularization: A special route to post-secular society?] // Eurozine. – 2006. – 7 July; *Beckford James A.* SSSR presidential address public religions and the postsecular: critical reflections // Journal for the Scientific Study of Religion. – 2012. Vol. 51 (No.1). – P. 1–19. ISSN 0021-8294

[8] *Примаков Е.М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – Москва: ИИК «Российская газета», 2006; *Сапронова М.* А. Политический процесс в арабских странах. – Москва: МГИМО-Университет, 2008; *Васильев А.М.* Война в Ираке: региональные и глобальные последствия // Вестник РАН. – 2004. – Т. 74. – № 1; *Мелкумян Е.С.* Ситуация вокруг Ирака и роль постоянных членов Совета Безопасности ООН // Ближний Восток и современность. Сб. Вып. 11. – Москва: ИИИиБВ, 2001; *Наумкин В.В.* Ислам и мусульмане: культура и политика. – Москва. Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования. 2009; *Смирнов А.В.* О понятии «свобода» в арабо-мусульманской культуре // Историко-философский ежегодник-2003. – Москва: Наука, 2004; *Сатановский Е.Я.* Конфликт вокруг Ирака: возможные направления развития посткризисной ситуации // Ирак: первые итоги, выводы, уроки. – Москва: Институт изучения Израиля и стран Ближнего Востока, 2003; *Мирский Г.* Багдадская Головоломка // Россия в глобальной паорлитике. – 2003. – № 1; *Ахмедов А.* Ислам в современной идейно-идеологической борьбе. – Москва: Политиздат, 1985; *Большаков О.Г.* История Халифата. – Москва: Наука. 1989; *Васильев Л.С.* История религий Востока. – Москва: Университет, 1998; *Донцов В.Е.* Современные шиитские исламские движения и организации на Ближнем Востоке в системе международных отношений. – Москва: ДА МИД РФ И ИАМП, 2001; *Смирнов А.В.* История арабо-мусульманской философии: Антология. – Москва: Академический проект, 2013. *Белокриницкий В.Я., Сикоев РР.* Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. – Москва: Институт Востоковедения РАН, 2014. – 216 с.; *Белокриницкий В.Я.* Война в горах. Талибы и пакистано-афганское приграничье // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 7. – С. 24–27; *Он же.* Афганистан и Пакистан: состояние и перспективы (соавтор – С.Н. Каменев) // Восток. – 2012. – № 4. – С. 165–170; *Он же.* Афганистан и региональная безопасность в Азии // Научные проблемы безопасности Российской Федерации. Вып. 5. – Москва:

Исследуя проблемы государственности Афганистана диссертант опиралась на работы, опубликованные в сборниках научных работ «Афганистан в начале XXI века»[9], «Афганистан: война и проблемы мира», «Ислам на современном востоке»[10]. Их авторы – ведущие российские специалисты в области современного афгановедения – А.Д. Давыдов, В.Г. Когун, Р.Р. Сикоев, М.Р. Арунова и многие другие прояснили ключевые проблемы исследуемого предмета. Не менее важной стала работа А.Ю. Лаврова «Политический ислам в Афганистане»[11], а также работы экспертов Центра изучения современного Афганистана (ЦИСА) А. Серенко, Омара Нессара, Н Мендковича и др. Ценным материалом стали публикуемые ЦИСА регулярные аналитические обозрения «Акценты», посвященные мониторингу политического процесса в ИРА[12]. Чрезвычайно важны для диссертационного исследования работы, публикуемые Институтом Ближнего Востока, Институтом Востоковедения РАН и др.

Зарубежные исследования, которые составили контекст диссертационного исследования, принадлежат немецким и американским авторам: Ф. Кюну, Б. Бухголцу, Д. Ротерсу, К. Ник-Мюллер, М. Сентриве-Дюмон, Й. Хипплер, А. Рашиду, Т. Барфильду, Х. Аббасу, К. Галл, О. Руа и др. [13]Особенное значение имели работы афганских авторов – *Азим Н.М.Дж.*

Издательство «Известия», 2012. – С. 112–119; *Он же.* Предисловие к книге: М.Р. Арунова. ШОС и афганский вопрос. – Москва: Институт Ближнего Востока, ИВ РАН, 2012. – С. 3–6; *Юртаев В.И.* Интеграция и транспорт на пространстве ШОС // Некоторые проблемы международных отношений и внешней политики России (история и современность) / Отв. ред. В.Г. Джангирян, А.С. Протопопов. – Москва: Экон-Информ, 2009. – С. 190–202.; *Дружиловский С.Б.* О теории и практике исламского правления в странах Среднего Востока // Ислам и политика. – Москва, 2001.

[9] Афганистан в начале XXI века. – Москва, 2004.

[10]Афганистан: проблемы войны и мира. – Москва, 1996; Афганистан: проблемы войны и мира. – Москва, 1998; Ислам на современном востоке. – Москва, 2004.

[11] *Лавров А.Ю.* Политический ислам в Афганистане. – Москва–Бишкек, 2010.

[12] Центр изучения современного Афганистана // http://cisa.afghanistan.ru/ (Дата обращения: 23.04.2015).

[13] *Kuhn F.* Sicherheit und Entwicklung in der Weltgesellschaft: Liberales Paradigma und Statebuilding in Afghanistan (Politik und Gesellschaft des Nahen Ostens) (German Edition), 2010; *Benjamin Buchholz.* Loya Jirga: Afghanischer Mythos, Ratsversammlung und Verfassungsorgan, 2013; *Roters D.* Der Islam – Hauptkraft des Widerstandes gegen die sowjetische Intervention in Afghanistan Taschenbuch, 2013; *Nick-Muller C.* Strategisches versus humanitäres Denken: das Beispiel Afghanistan, 2009; *Micheline Centlivres-Demont edi.* Afghanistan: Identity, Society and Politics Since 1980, 2014; *Hippler Jochen.* Afghanistan:Kurskorrektur oder Rückzug? Die politischen Folgen aus der Gewalteskalation

Армия и политика во время войн в Афганистане; Баэс Дж.М. Обзор политической и культурной ситуации в Афганистане; *Зада А.* Трагический день в Афганистане; *Карваль М.С.* Горькие и поучительные уроки Афганистану; *Карзай Х.* Мой путь – это путь Афганистана; *Куша Д.* Война в Афганистане; *Мосбах М.Б.* Политическая история; *Рештияк С.К.* Афганистан в XX веке; *Сафарзада М.Х.* Годы джихада в Афганистане; *Татин З.* Афганистан XXI веке; *Тахир А.М.* Жизнь бедных людей Афганистана без одежды, обуви и еды в годы войны; *Фарда Ф.* Миростроительство в Афганистане; *Хаваджа А.А.* Афганистан в огне; Шелковая промышленность в Афганистане [14].

Цель диссертационного исследования – выявить базовый инвариант государственности ИРА, транслируемый сквозь ее политические и исторические трансформации и придающий ей жизнеспособность.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**:

1) упорядочить теоретические подходы к пониманию государственности и государственной состоятельности, выявить критерии последней, применимые к Афганистану;

/http://www.jochenhippler.de/SEF_Policy_Paper_Afghanistan_Sept_2008.pdf (Дата обращения – 12.04.2015); *Rashid A.* Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia, Second Edition Paperback – April 13, 2010; *Barfield T.* Afghanistan: A Cultural and Political History (Princeton Studies in Muslim Politics), 2012; *Roy O.* Islam and Resistance in Afghanistan. – Cambridg, 1986; *Hasan Abbas.* The Taliban Revival: Violence and Extremism on the Pakistan-Afghanistan Frontie, 2014; *Carlotta Gall*. The Wrong Enemy: America in Afghanistan, 2001–2014. 2015.

[14] *Азим Н.М.Дж.* Армия и политика во время войн в Афганистане / Н.М.Дж. Азим – Кабул, 2013 – 250 с. – Персид. яз.: *Баэс Дж.М.* Обзор политической и культурной ситуации в Афганистане / Дж. М. Баэс – Кабул, 2012 – 180 с. – Персид. яз.; *Зада А.* Трагический день в Афганистане / А. Зада – Кабул, 2002. – 405 с. – Персид. яз.; *Карваль М.С.* Горькие и поучительные уроки Афганистану – Кабул, 2005. – 320 с. – Персид. яз.; *Карзай Х.* Мой путь – это путь Афганистана / Х. Карзай. – Кабул, 2004. – 260 с. – Персид. яз.; *Куша Д.* Война в Афганистане / Д. Куша – Кабул, 2011. – 320 с. – Персид. яз.; *Мосбах М.Б.* Политическая история Афганистана / М.Б. Мосбах. – Кабул, 2010. – 270 с. – Персид. яз.; *Рештияк С.К.* Афганистан в XX веке / С.К. Рештияк. – Кабул, 2010. – 350 с. – Персид. яз.; *Сафарзада М.Х.* Годы джихада в Афганистане / М.Х. Сафарзада. – Кабул, 1995. – 390 с. – Персид. яз.; *Татин З.* Афганистан XXI веке / З. Татин. – Кабул, 2013 – 280 с. – Персид. яз.; *Тахир А.М.* Жизнь бедных людей Афганистана без одежды, обуви и еды в годы войны / А.М. Тахир. – Кабул, 2014. – 230 с. – Персид. яз.; *Фарда Ф.* Миростроительство в Афганистане / Ф. Фарда. – Кабул, 2010. – 264 с. – Персид. яз.; *Хаваджа А.А.* Афганистан в огне / А.А. Хаваджа. – Кабул, 2013. – 310 с. – Персид. яз.; Шелковая промышленность в Афганистане. – Кабул: Министерство иностранных дел Афганистана, 2010. – 225 с. – Персид. яз.

2) проследить трансформацию государственности ИРА;

3) выявить степень соответствия ключевых мусульманских политических систем реалиям политической жизни Афганистана;

4) установить соответствие между целями и проектом политического процесса в ИРА и мерой эффективности политической системы страны;

5) выявить перспективы формирования государственности ИРА, способной придать афганскому обществу жизнеспособность и вывести политический процесс из кризиса.

Научная новизна работы

1 – упорядочены теоретические подходы к пониманию государственности и государственной состоятельности, выявлены критерии последней, применимые к Афганистану; а именно: мера развития политических институтов и характеристики режимных трансформаций;

2 – прослежена трансформация государственности ИРА. Обнаружено, что на современном этапе в Афганистане произошли шесть последовательных трансформаций государственности, выражающиеся в последовательной смене монархической формы на республиканскую, исламистскую, и демократическую. В ходе каждой из этих трансформаций эрозии подвергался традиционный тип афганской государственности, но историческая преемственность между этими трансформациями несомненна;

3 – доказано, что из традиционных для мусульманских стран политических систем – имама, альянса, секулярной, военно-бюрократической и колонизаторской, – наиболее оптимальными являются «секулярная» («карзаевская») модель, а иррелеванными – «система имама» и «система альянса»;

4 – выявлено, что каждый раз с приходом новой власти в Афганистане задавались новые параметры политического процесса, что не давало возможности завершить начатое и сформировать жизнеспособную и эффективную политическую систему;

5 – сформулированы перспективы полномасштабного воссоздания государственной состоятельности ИРА. По мнению диссертанта, события могут развиваться по следующим *трем основным сценариям* (не считая возможных сценарных сбоев):

Сценарий 1, оптимистичный. Успех проекта создания национального государства А. Гани, консолидация этносоциального и этнополитического пространства, общество сумеет сплотиться вокруг лидера, общей идеи, поставленной цели политического процесса.

Сценарий второй, пессимистичный. Сторонники действующей власти и оппозиция не смогут договориться, Вашингтон и Пакистан не перестанут вмешиваться во внутренние дела, механизмы внутригруппового, внутриобщностного сплочения опять не сработают, что приведет к углублению конфликтов, возможно, к возобновлению гражданской войны, увеличению количества жертв и беженцев;

Сценарий третий, компромиссный, умеренно-реалистичный. Так или иначе, вернувшийся к власти Х. Карзай вновь будет играть видную роль в государстве. Он сумеет создать *реальную* коалицию с оппозицией, в том числе и этнического толка, будут проведены реформы, укреплена внутриэтническая целостность, найден баланс форм государственного управления – жесткого и мягкого; баланс уровня развития системообразующих политических институтов и качества их работы.

Положения, выносимые на защиту:

1. В Афганистане существует сложившаяся на протяжении столетий уникальная институциональная матрица государственности – *каум* как синтез племенных отношений и клиентелы. Неизменность и удерживаемость этой матрицы, трансляция ее сквозь все трансформации политической системы задает тот исторический и политический коридор, который обеспечивает устойчивое, исторически длительное воспроизводство политической жизни в

стране, со всеми ее деформациями. Она же дает право Афганистану называться государством, а не «страной без государства», она не разъедает государство, а воссоздает его изнутри, создавая своего рода каркас политической жизни.

2. Деконструкция традиционной афганской государственности выражалась в особых политических системах, свойственных мусульманским странам вообще и искаженно воспроизведенных в Афганистане – «системе имама» – особенность государственности Афганистана времен Исламского эмирата талибов, где каумы были подменены властью эмира, и носителем государственности стали талибы. И «система альянса» – особенность государственности Афганистана времен первого президентства Х. Карзая, где было сформировано два «управленческих» полюса как равных носителей государственности – полюс каумов и полюс фундаменталистов.

3. Реконструкция традиционной афганской государственности с разной степенью эффективности началась с формирования двух политических систем, свойственной мусульманским странам вообще и Афганистану в частности – «секулярной системы» государственности времен второго президентства Х. Карзая. Она получила название «карзаевская модель», и относительно корректно воспроизведена в Афганистане (отказ от абсолютизации каумов при сохранении традиционных устоев повседневной жизни). Вторая – про-западная «система государства – нации» президента Ашрафа Гани, устанавливаемая сегодня (сочетание каумов и политических партий, многопартийности).

4. Смена политических систем в Афганистане за последние пятнадцать лет показывает, что при всех трансформациях, разной мере влияния внешних и внутренних факторов, всех проявлений политической конъюнктуры единственным способом обретения необходимых параметров государственной состоятельности для страны является апелляция к специфическим устоям повседневной жизни, к принципам национального

типа государственности, в виде, *адаптированном* к реалиям современного общества.

Теоретико-методологическая основа исследования

В исследовании применялось сочетание историко-политического и политико-географического, политико-этнографического, политико-религиоведческого подходов.

В качестве основы политического анализа применялся ситуационный анализ. Также использовался метод case-studies и ивент-анализ. В диссертации осуществлен поисковый (исследовательский) прогноз, содержанием которого стало определение возможных путей развития афганской государственности в будущем – возможные сценарии развития событий.

Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации данных о политических проблемах в современном Афганистане. Данное исследование может быть использовано в учебном процессе, в частности в ДА МИД РФ, и представлять интерес для других учебных заведений и научных центров соответствующего профиля, а именно: для Института актуальных международных проблем, Института Ближнего Востока, Института Востоковедения РАН и др.

С практической точки зрения данное исследование может быть востребовано МИД России для выработки и уточнения ряда аспектов в позиции России в отношении ИРА, интересно Посольству РФ в Афганистане, Россотрудничеству, а также администрации Республики Афганистан в деле решения стоявших перед государством проблем, понимания их деталей и нюансов.

Апробация результатов диссертационного исследования

Диссертация обсуждена на заседании кафедры политологии и политической философии ФГБОУ ВПО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Основные теоретические и практические результаты диссертации были представлены автором на конференции «Актуальные проблемы и перспективы мировой политики: итоги и перспективы», состоявшейся в Дипломатической академии МИД РФ (Москва, ноябрь 2014), доклад на тему «Афганистан на пути в новое будущее»; на конференции «Ломоносов 2015», МГУ имени Ломоносова (Москва, 14 апреля 2015 года), доклад на тему «Восстановление государственности Республики Афганистан»[15].

Основные тезисы и положения диссертационного исследования изложены в ряде публикаций в журналах, рекомендуемых ВАК России, общим объёмом 1,5 п.л.

Структура диссертации соответствует цели и задачам исследования и представлена введением, тремя главами, разделенными на тематические параграфы, заключением, а также списком использованных источников и литературы и приложением.

[15] *Вардак С.* Восстановление государственности Республики Афганистан. Секция «Региональные проблемы мировой политики» http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/7249/uid84574_report.pdf (Дата обращения: 14.05.2015).

Глава первая.

Феномен государства в XXI веке.

Параграф 1.

Государственность как особое качество государства

Согласно теории государства, ключевым признаком государства, позволяющим ему существовать на мировой арене, является суверенитет. В научной литературе выделяют суверенитет внутренний - организация публичной власти на территории государства; международно-правовой - государства- равноправные акторы МО; вестфальский- право государств изменять внутреннюю политику без вмешательства извне; суверенитет взаимозависимости- способность государства регулировать трансграничные потоки; ограниченный - государство подпадает под опеку другой страны или группы стран. Вместе с тем, в вопросе о суверенитете нет очевидной ясности. «Прежде из-за суверенитета воевали короли, теперь о нем спорят профессора. Прежде для того, чтобы отстоять его, не жалели крови, теперь для того, чтобы объяснить его, не жалеют чернил»[16].

В понимании природы суверенитета существует множество точек зрения. Л.Ю. Черняк выделяет шесть подходов к пониманию суверенитет, каждый из которых характеризуется специфическими признаками[17]. Р.Т. Мухаев указывает, что «суверенитет государственной власти выражается в ее верховенстве и независимости от любых других властей внутри страны или во взаимоотношениях с другими государствами»[18]. В.В. Горюнов считает, что «государственный суверенитет отражает не реально существующее явление, а априорно предписываемый государству признак.

[16] Гессен В. М. Основы конституционного права / Владимир Матвеевич Гессен ; сост., авт. вступит. ст. и коммент. А. Н. Медушевский ; Ин-т общественной мысли. - М.: РОССПЭН, 2010. - с.126.

[17] Черняк Л.Ю. Общетеоретические проблемы государственного суверенитета: дис. ... канд. юрид. наук. - Челябинск, 2007. - С. 37-65.

[18] Мухаев Р.Т. Политология: учебник для вузов. Изд. 2-е. - М.: «Прориздат», 2003. - С. 202.

Следовательно, суверенитет правомерно рассматривать в качестве юридической фикции»[19].

Среди зарубежных теорий, в которых исследован феномен суверенитета, на наш взгляд, особый интерес представляет прочтение сущности суверенитета в рамках реализма и свойственного ему принципу анархии, и постмодернизма

Термин анархизм был введен в теорию международных отношений Р. Эшли. Он является описанием международных отношений как политики силы и означает, что нации живут в вечной анархии, потому что нет центральной или главной силы, которая могла бы кому то запретить преследовать свои суверенные интересы. Во главу угла Эшли ставит отсутствие в международных отношениях центрального правила, закона. Он описывает множество государств в международной системе, где ни одно не может диктовать закон другому. Государство составляет систему, где у каждого свои интересы, способности, ресурсы и территория. Эшли полагает, что внутри независимого государства существует сфера личности, однородности, порядка и прогресса, гарантируемого законной силой. А снаружи государства должна лежать область различий, разнородности, беспорядка и угрозы, повторений и рецидивов. Независимые государства должны стереть любые следы анархии внутри их самих, чтобы ликвидировать ее снаружи. Независимость и анархия - взаимно-исключающие понятия. Из этого следует понимание внутреннего суверенитета, как устойчивого, законного фундамента современного политического общества, и понимание внешнего суверенитета как сферы опасной и анархической. Эшли называет это явление «*двойным исключением».*

Постмодернизм старается дать ответ на главный вопрос - обоснование

[19] Горюнов В.В. Суверенитет Российской Федерации: сущность, содержание, гарантии: дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2007. - С. 15.

независимости государства. В рамках этой теории это обоснование сводится к историческому объяснению. Постмодернизм меньше интересует суть независимого государства, гораздо важнее то, как оно становится таковым, как натурализируется, и как появляется в ходе истории его суть и значение. Постмодернистам не очень важно, что такое суверенитет, важно то, каким образом он образуется в пространстве и времени и как он функционирует. Это обращает нас к вопросу, поставленному в генеалогии М. Фуко - в силу каких политических практик независимое государство институализируется как принятая модель международной субъектности. Постмодернизм ищет условия, которые делают возможным феномен независимого государства и то, как это конкретно отражается в ежедневной жизни граждан.

Постмодернизм стремится переосмыслить онтологическую структуру независимого государства, чтобы ответить должным образом на вопрос о том, как оно формируется в качестве актора международных отношений. С их точки зрения, превалирующая модель политической субъектности в международных отношениях (независимое государство) не является ни естественной, ни необходимой. Нет причины, по которой глобальное политическое пространство поделено посредствам границ, кроме того, что это - политический акт. География говорит о власти и силе. Кажущаяся невинной география - не результат природы, а продукт истории, борьбы соревнующихся властных верхушек за право организовывать, занимать и управлять геополитическим пространством. Границы в современном мире делят мир на внутренний - суверенный и внешний- плюралистический и анархичный. В этом смысле определение границ - это важный момент независимого государства. Это «общественная надпись всемирного пространства», которое обозначает завершенное, обнесенное границей государство, выстроенное вокруг « националистически воображаемого» пространства. Основной объект критики постмодернизма - защита государством четких границ. Территориальные границы, призванные

обозначить политическую идентичность и сообщество принимаются постмодернизмом как исторически условные и очень сомнительные. По их мнению, никакие демаркационные линии не могут помешать универсализации этики, которая преодолевает границы, как воображаемые, так и реальные.

Интересен в этой связи вопрос насилия в процессе формирования независимости государства. Традиционалисты-реалисты признают применение насилия нормальным и повторяющимся явлением в международных отношениях, а состояние анархии является, по их мнению, причиной, по которой государства начинают войны, и нет силы, которая могла бы это предотвратить. Насилие в этих случаях не созидательно, а «конфигуративно» и «позиционно».[20] Подразумевается, что онтологическая структура государства существует *до* осуществления самого насилия. Насилие всего лишь является инструментом властно-политических, стратегических маневров в распределении или иерархии власти.

Однако постмодернизм по-другому раскрывает роль насилия в современной политической жизни. Оно, по его мнению, лежит в основе онтологической структуры государства, а не является тем, к чему прибегают полностью сформировавшиеся государства по властно-политическим соображениям и причинам. Парадокс в том, что насилие это - и яд и противоядие. Постмодернисты утверждают, что отношения политики и насилия противоречивы. С одной стороны насилие создает независимое государство как убежище граждан, с другой стороны это обстоятельство, от которого граждане этого общества должны быть защищены.

Так или иначе, но топики государства, независимости и насилия - извечные темы в установившихся традициях исследования международных отношений. После террористических атак 11 сентября 2001 года они

[20] Ruggie J.G. Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations // International Organizations, 4 (1), 162-3

приобрели новое звучание. Связь между государством и насилием отражена, например, в труде Брэдли Клайна « Стратегические исследования и мировой порядок» .[21] В его труде содержится анализ применения насилия и передела современного мира. Его основная цель - объяснить историческую составляющую возникновения государств, инициирующих войны. Клайн исследует каким образом возникают политические образования и как они могут опираться на силу для того, чтобы отделить внутреннее политическое пространство от внешнего. Наряду с другими постмодернистами он считает, что государства опираются на насилие для того, чтобы состояться как государство и в этом процессе «навязать различие между внешним и внутренним». Стратегическое насилие строит государство, оно не только «охраняет границы» государства, оно помогает их становлению.

Детальная оценка отношений между государством, насилием и идентичностью содержится в труде Дэвида Кэмпбелла «Национальное разрушение», который посвящен войне в Боснии.[22] Его главный аргумент заключается в том, что интенсивным насилием управляла особенная норма общества, которую он вслед за Ж Деррида называет «онтопология» (онтология границы) и она предполагает, что политическое сообщество нуждается в совершенном единстве территории и идентичности , государства и нации, замкнутом в границы, Политическое общество должно быть образованно как отдельная идентичность, объединенная особым образом и владеющая выделенной территорией. Логика этой нормы, полагает Кэмпбелл, ведет к желанию иметь понятное, обнесенное границами монокультурное общество. Эти «онтопологические» убеждения формируют «управляющие коды субъективности» в международных отношениях. Что интересно в аргументах Кемпбелла, так это то, что по его мнению, война в Боснии не была отклонением от нормы, но всего лишь обострением этой

[21]Klein, B. Strategic Studies and World Order: the Global politics of Difference . Cambridge, 1994, ; C.
[22] Campbell D. National Deconstruction: Violance, Identity and Justice in Bosnia. Minneapolis, 1998, C.

нормы, её крайним проявлением. Пока нормы политического общества требуют границ, они будут подтверждаться насилием.

Кэмпбелл рекомендует мыслить терминами «политической прозы» и «трансверсальной природы» мировой политики. Его концепция заключается в привлечении внимания ко множеству течений и явлений, возникших в ходе глобализации, которые пересекают национальные границы. Он делает акцент на политическую, экономическую и культурную деятельность, которая ведет к детерриториализации современной политической жизни и ослабляет парадигму суверенитета. Важно отметить, что критика постмодернистами государственной независимости фокусируется на одном слове - *независимость.* Независимое государство может быть доминирующей моделью субъекта в международных отношениях сегодня, но оправданны ли претензии этой модели на ее исключительную роль, постмодернизм не уверен. Роб Уолкер, например, считает, что независимость - это политическая практика, возникшая исторически и призванная решить онтологические противоречия государствостроения.[23] Он отказывается признать государственную независимость как единственный и лучший способ организации современной политической жизни.

На основе краткого обзора основных представлений о суверенитете государства, мы можем сделать вывод, что в науке существует некорректное пересечение трактовки суверенитета о правового феномена (юридический суверенитет), и как политического, (политического суверенитета)

Кроме суверенитета, важнейшими характеристиками государства также являются его дипломатическое признание; степень развития его политических институтов; внутренняя поддержка правительства населением страны - легитимность; возможное наличие правительства в изгнании;

[23] Theories of international relations, Third edition; S. Burchill, A. Linklater, R. Devatak, J. Donnelly, M.Paterson, C. Reus-Smit, J. True; C. 185

объем сосредоточенных и распределенных ресурсов; реальное влияние государства на мировое сообщество.

Что касается самого государства, то политологии выделяют традиционное (сословно-династическое **)** и национальное (современное) государство[24]. В. Малахов полагает, что главными различиями между ними являются следующие: форма правления: патримониальная и анонимная, соответственно; отношения между властью и населением : подданные и граждане; характер власти: аристотелевский, (безразличный к приватной жизни своих «подданных») и фукольдианский (биовласть, регулирующая частную жизнь своих граждан); степень территориальной интегрированности: минимальна и максимальна (единое административное, налоговое и пр. пространство) ; принцип организации нации-примордиализм и конструктивизм (согражданство, где нация не природное, а политическое тело)[25].

Накопленные теоретические знания о государстве и его признаках, а также сформированный в ходе столетий исторический опыт привели к тому, что в середине XX века в споре между реализмом и либерализмом *вопрос о будущем государства* был поставлен «ребром» : так что же дальше – государство как главный актор международных отношений, в недалеком будущем исчезнет в ходе постепенного преодоления принципа государствоцентризма, цементирующего Вестфальскую систему, или все же устоит под ударами набирающего силу механизма глобального управления, реализующегося, прежде всего через международные организации.

---

[24] См, например, Судьба государства в эпоху глобализации М, 2005; Понятие государства в четырех языках: Сб. статей. Под ред. О.Хархордина. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002. – 218 с.; Морозова Л.А. Влияние глобализации на функции государства // Государство и право. - М.: Наука, 2006, № 6. - С. 101-107; Глобализация, государство, право, XXI век: сборник // Под ред. Блищенко В.И. М., Городец, 2004.

[25] Малахов В. Национальные государства перед лицом культурного плюрализма. ЖЗ - Логос, 2006, №2 // http://magazines.russ.ru/logos/2006/2/mala6.html (дата обращения 04. 05 2015)

Неолиберализм своими концепциями транснационализма и космополитизма утверждал, воспроизводя аргументацию Горгия Леонтийского, что:

а) государство устарело потому, что слишком велико и не может удовлетворить индивидуальные интересы людей;

б) если даже и может, то оно слишком мало и неспособно решить глобальные проблемы;

с) если даже и способно, то эта способность невыразима в слове, ни в устном, ни в письменном.

Неореализм, в свою очередь, убежден, что в сегодняшнем рискованном мире осуществлять взвешенную политику способны только государства и их лидеры. В защиту государства неореалисты выдвигают следующие аргументы: государство-лучшая форма политической организации; надежный, доказавший свою оптимальность механизм управления; центр обеспечения национальной безопасности; в случае исчезновения государства неясно кому передавать суверенитет.

Политическая реальность XXI в., полагают неореалисты, подчинена структуре государствоцентричного мира. Мораль государства и индивида различны. Высшая мораль государства- приумножать свое благосостояние и блюсти национальные интересы. Последние- осознанная потребность и стремление государства к достижению тех целей, которые стоят перед ним в его международном окружении. Эти интересы формируются как объективно - через геополитические, демографические и иные подобные факторы, так и субъективно- через общественное мнение, коллективную память, социокультурную и национальную идентичность. В этой связи только государство может достичь позитивного результата не только для нации, но и для каждого отдельного индивида. Создание новых квази-империй, таких как ЕС, например, по мнению неореалистов, только подтверждают этот тезис. Кроме того, национальные государства активно участвуют в

процессах транснационализации, сохраняя внутренне ядро. А это, подчеркивают неореалисты, не противоречит неолиберализму и его глобальному проекту- глобализации.

Положение, однако, осложняло наличие нескольких обстоятельств. Во- первых, наличие малых государств, проблематизирующих тезис о значимости размеров государства; во-вторых, появление, главным образом, с коллапсом СССР, таких неизвестных ранее феноменов, как несостоявшиеся государства; в-третьих, рост числа непризнанных государств или государств со спорным суверенитетом. Отсутствие единого подхода к пониманию суверенитета в политико-правовой теории и практике международных отношений, о чем говорили чуть выше, породило в реальности существование ряда «непризнанных республик», которые формально находятся в пределах и под властью определенного государства, а реально сумели выстроить свою независимую государственность.

Сегодня в мировой политике существует по крайней мере два фактора, проблематизирующих роль и место государства на политической карте - непризнанные государства и государства несостоявшиеся. Проблема возникает в связи с возможным пересмотром концепции государственного суверенитета, которая лежит сегодня в основе системы международных отношений, а также мерой применимости к таким государствам критериев государственной состоятельности. Можно выделить «три главных отличительных признака непризнанных государств — создание государства на территории, которую другое государство считает своей частью; наличие конфликтов между государством-метрополией и отделившейся территорией; отсутствие признания со стороны государства-метрополии»[26].

[26] Николаев Д.Г. Феномен непризнанных государство в мировой политике // Вестник Московсколго университета , серия 25, Международные отношения и мировая политика, 2010, №1. // http://www.fmp.msu.ru/assets/files/vestnik/2010/1/TEXTS/NIKOLAEV_1_2010.pdf)датат обращения – 24 08 2015)

К основным целям создания независимых государств следует отнести стремление народа, этноса или общности людей самостоятельно определять свою политическую жизнь, а также стремление к территориальной независимости от государства, частью которого они некогда являлись. Эти цели в большинстве случаев являются равнозначными и совместно (или последовательно) определяют направленность действий представителей непризнанных государств. Само непризнанное государство можно определить как организацию независимой публичной власти на территории, являющейся по формально-правовым основаниям частью другого государства. При этом данное определение предполагает, что непризнанное государство и государство, из состава которого оно выделилось, имеют внутриполитический конфликт, который является препятствием для признания независимости отделившейся территории не только государством, считающим ее своей частью, но и другими странами мира.

Другим случаем проблематизации государства на мировой арене является феномен *несостоявшегося государства.* «Объявляя государственность основой экономического прогресса, Запад тем самым гарантирует незыблемость государственного суверенитета и неизменность сегодняшнего "административно-территориального деления" мира. Запад подтверждает, что существующие сейчас *failed states* – несостоявшиеся государства, становятся источником терроризма, наркоторговли или незаконной миграции (Афганистан, Йемен, Сомали). Но они будут реанимированы и сохранятся как государственные образования»[27].

Анн-Мари Слотер в работе « Новый мировой порядок» вводит еще одно понятие- «фрагментированное» государство» [28].Правда, он имеет в виду «государство, утрачивающее свою исходную внутреннюю цельность из-за

[27] Игорь Федюкин. Монтеррейский консенсус II // http://polit.ru/article/2002/03/27/479389/ (l Дата обращения - 08/ 05 2015)

[28] Анн-Мари Слотер. Новый мировой порядок. Принстон - Оксфорд: Принстон юниверсити пресс, 2004. 341 с.

того, что совокупность его функций дробится, мельчает и делится между самим государством и негосударственными субъектами, становясь в этом смысле фрагментарными, а не цельными, как прежде»[29]. Мы полагаем, что сам введенный ею термин , рассмотренный под иным углом зрения, является еще одной чертой, характеризующей недостаток государственности.

Несостоятельность государства определяется его способностью или неспособности осуществлять контроль над определенной территорией, иметь правительство и определенное население. Так, исследователи часто указывают на состоятельность непризнанных государств в экономическом и политическом смысле, но единственным препятствием для признания является нежелание тех или иных государств признать юридически то, что уже существует фактически. «Под непрочной государственностью понимается в первую очередь утрата или не обретение государственными институтами способности управления в главных сферах компетенции. Речь идет о государствах, институты которых не в состоянии или более не в состоянии оказывать населению определенные элементарные услуги» [30]

При этом несостоявшиеся государства признаны мировым сообществом, но несостоятельны по целому ряду параметров - отсутствие управления и владения территорией, военные конфликты и гражданские войны, экономический коллапс, дефолт, отсутствие политического равенства и пр. [31] Сюда же относятся сложности суверенитета - ограниченного, половинчатого, частичного. «При анализе реальной политики, когда дело касается суверенитета, диалектика «факта» и «признания» должна сочетаться с диалектикой задействованных модусов «истинного

[29] А Фененко Сети и государства в мировой политике. //Международные процессы. 2005. Т. 3, № 1. С. 114.

[30] Несостоявшиеся государства // http://www.portalostranah.ru/view.php?id=287 (датат обращения 08 05 2015) .

[31] Failed States Index 2014: Somalia Displaced as Most-Fragile State // http://library.fundforpeace.org/fsi14-overview (дата обращения 09 . 05 2015) .

суверенитета»[32] По сути дела несостоявшиеся государства часто превращаются в «пиратские республики» и «бандитские государства». В этой связи выделяют три типа неустойчивой государственности- слабые, деградирующие и развалившиеся. «Индекс несостоятельности рассчитывается исходя из 12 социальных, экономических и политических индикаторов, на основании которых можно спрогнозировать возможность распада государства. За каждый индикатор государству начисляются баллы по десятибалльной шкале, где 0 баллов означает минимальные риски и угрозы, а 10 – максимальные, и соответственно наименьшую степень стабильности. В конечном итоге сумма этих показателей и определяет положение в рейтинге – чем больше баллов набирает страна, тем очевиднее неспособность ее правительства справляться с существующими проблемами»[33].

Критерии государственной состоятельности, а также требование от государства принятия обязательств по международным договорам и соглашениям, уважения нерушимости границ, гарантии прав национальных меньшинств, отказа от территориальных споров и т.п. рассматриваются как основания для признания его состоявшимся, поскольку трудно представить себе полноценное государство, неспособное провозгласить подобные принципы своей внутренней и внешней политики.

Мы рассмотрели феномены непризнанных и настоявшихся государств в мировой политике. Обращение к ним стало необходимым потому, что и тех и других объединяет определенная мера государственности. Достаточная в одном случае для того, чтобы существовать на мировой политической карте., но не отправлять свои базовые функции- несостоявшиеся государства. В другом- достаточная для

[32]. Цымбурский В Л Идея суверенитета в позднесоветском и постсоветском контекстах // Демократия и суверенитет . Многообразие исторического опыта. М, Идея- пресс, 2010, стр. 163.

[33] Ирисова О Когда государство не состоялось // http://world-economic.com/ru/articles_wej-326.html (дата обращения 09 . 05 2015)

нормального функционирования, но негодная для обретения политического признания- непризнанные государства.

Эти обстоятельства «подогрели» дискуссию вокруг возможной «смерти» государства: вышли в свет очень интересные научные исследования, посвященные изучению процесса формирования государств и их возрастающему влиянию на политические и социальные процессы[34]. В ходе споров и дискуссий в оборот политических исследований были введены новые понятия- государственность и государственная состоятельность, пересекающиеся значительной частью своих объемов. Государственность означает, по сути дела, наличие системообразующих признаков государства, о которых шла речь в начале этого параграфа, и которые в значительной степени были утеряны теми образованиями, которые сегодня именуют себя государствами. А под государственной состоятельностью имелось в виду необходимое *качество государственности,* то есть способность государства оптимально организовывать публичное пространство и отправлять свои базовые функции [35].

Камнем преткновения стал выбор адекватных критериев выявления необходимой меры государственной состоятельности. В общем виде эти критерии можно свести к шести основным: силовой (мощностная парадигма)[36], качество бюрократии как управленческой способности государства[37], опыт (возраст) бюрократии[38], способности государства

34 Tilly Ch. The Formation of National States in Western Europe. Princeton: Princeton University Press, 1975. 711 p.; . Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. Bringing the State Back In. Cambridge University Press, 1985. 404 p; Mann M. The autonomous power of the state: its origins, mechanisms and results. Archives européennes de sociologie 25; 1984

35 Nettl J. (1968). The State as a Conceptual Variable. World Politics, 20(4). pp. 559-592; . Ильин М.В. Пределы государственной состоятельности стран мира // Сравнительная политика. - 2011. - № 3. - С.37-45.

36 Walter B. (2006). Building reputation: Why governments fight some separatists but not others. American Journal of Political Science, 50(2). pp. 313-330.

37 DeRouen K., Sobek D. (2004). The dynamics of civil war duration and outcome. Journal of Peace Research, 41(3). pp. 303-320.

38 Keefer P., Vlaicu R. Democracy, Credibility, and Clientelism // Journal of Law, Economics and Organization. 2008. № 24. P. 371–406.. См об этом. Например. Щупленков О. В. К вопросу понимания

заинтересовать инвесторов[39], способность государства собирать налоги[40], уровень развития политических институтов[41]. Шестой критерии предлагают российские ученые А.Ю. Мельвиль, Д.К. Стукал, М.Г Миронюк.[42] Они предлагают рассчитывать государственную состоятельность, исходя из шести показателей: «переменные, отражающие характер экономического развития, отражающие различные социально-демографические характеристики, преимущественно структурного характера, например, индекс политически мотивированного насилия и отсутствия стабильности; переменные, представляющие собой экспертные оценки и отражающие отдельные характеристики режимных трансформаций и их результатов в соответствии с актор-ориентированным подходом; отражающие различные режимные и иные характеристики (в том числе уровни демократического развития) Экспертные оценки различных характеристик государственности и государственной состоятельности (агрессия на территорию данного государства, агрессия данного государства на территорию других государств» [43].

В нашем исследовании мы будем опираться на пятый и шестой критерии- уровень развития политических институтов и систему Мельвиля-Стукала-Миронюка. Причем в последней мы акцентируем «переменные, отражающие различные социально-демографические характеристики» и

издержек и рисков политических реформ // Теоретическая и прикладная экномика, 2014, № 3 // Журнал "Теоретическая и прикладная экономика" > Содержание № 3 за 2014 год > К вопросу понимания издержек и рисков политических реформ // дата обращения 04. 05, 2015.)

[39]Acemoglu D., Johnson D., Robinson J. (2001). The colonial origins of comparative development: An empirical investigation. American Economic Review, 91(5). pp. 1369-1401.

[40] Cheibub J.A. (1998). Political regimes and the extractive capacity of governments: Taxation in democracies and dictatorships. World Politics, 50(3). pp. 349–376.;

[41] American Political Science Review, 95(1). pp. 33-48.

42 Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Факторы режимной трансформации и и типы государственной состоятельности в посткоммунистических странах Часть первая. Высшая школа экономики) // http://www.hse.ru/data/2012/01/23/1263582591/WP14_2011_04_part1_f.pdf (дата обращения 04. 05. 2015) ; посткоммунистических автократиях плохие институты // ПОЛИС. - 2013. - №2. - С.125-142.; Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Государственная состоятельность, демократия и демократизация (На примере посткоммунистических стран) // Политическая наука. - 2012. - №4. - С.83-104.;

[43]Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Факторы режимной трансформации и и типы государственной состоятельности в посткоммунистических странах Часть первая. Высшая школа экономики) // http://www.hse.ru/data/2012/01/23/1263582591/WP14_2011_04_part1_f.pdf (дата обращения 04. 05. 2015)

«переменные, представляющие собой экспертные оценки и отражающие отдельные характеристики режимных трансформаций». Наш выбор объясняется тем, что остальные критерии в силу особой ситуации, в которой находится предмет нашего изучения- Республика Афганистан- не могут быть адекватны и обладать достаточной объяснительной силой.

Что касается принципов мусульманской государственности, то « до начала XIX века, то есть до прямого соприкосновения с европейской современностью, мусульманские ученые и правители концептуализировали политическое в терминах *уммы, халифата или султаната* (систем традиционного мусульманского правления при относительном доминировании соответственно религиозного или политического элемента»[44] После обретения независимости от европейских колониальных держав в XX веке мусульманские страны (такие как, например, Ливан, Ирак, Сирия, Йемен, Тунис, Ливия, Алжир) столкнулись с многочисленными конфликтами внутри государства, связанными с центробежными тенденциями этнических и религиозных сил. Лозунги панарабизма (объединение государств или народов на основе этнической общности) и панисламизма (единство всех мусульман мира и создание Халифата) способствовали возникновению освободительных движений в этих странах (Фронт национального освобождения в Алжире, «Свободные офицеры» в Египте). Однако опора на *джаммат* (местное сообщество), *шура* (совет), *иджмаа* (мнение сообщества), мушвара(консультации с целью принятия решения) *акл* (разум) и метод *кийаса* (поиска аналогичного прецедента в прошлом для вынесения решения, препятствовали созданию стабильных и устойчивых государственных и политических систем в западном понимании этого слова. Судебная власть обладает широкими полномочиями и опирается преимущественно на исламское право (*фикх*) и исламский закон

[44] Политическая идентичность и политика идентичности. Т 2, Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. М, 2012, стр. 159.

(*шариат*). Безусловными для всех мусульман источниками изучения государства и права в *фикхе* являются Коран (священная книга), сунна (сборник жизнеописаний Пророка Мухаммада). Основными принципами, объясняющими специфику мусульманской государственности, являются религия, традиции и суверенитет[45].

Необходимо обозначить различия по вопросу управления государством между двумя крупнейшими течениями в исламе – суннитами и шиитами[46]. Вопрос передачи власти является ключевым пунктом противоречий между представителями этих течений.

В соответствие с *шариатом* (мусульманским правом) светская и духовная власть не должны быть разделены, поэтому глава государства несет ответственность не только за управление общиной, но и за соблюдение всех норм и ценностей мусульманского права в ходе этого управления. Этот принцип наделяет главу мусульманского государства практически неограниченными полномочиями и позволяет ему иметь решающий голос в вопросах как внутренней, так и внешней политики. Однако шииты и сунниты по-разному реализуют этот принцип. В настоящее время существует только одно мусульманское государство, в котором вся власть принадлежит шиитскому руководству – Исламская Республика Иран. Главным противником Ирана на международной арене выступает Королевство Саудовская Аравия. Сферу влияния шиитов называют также «шиитским поясом (полумесяцем)»[47], который протянулся от Ирана через Ирак в Сирию (где в настоящее время власть по-прежнему сохраняется в руках семьи Асадов – представителей шиитской ветви - алавизма). Возрастает также роль шиитов в Бахрейне, где они составляют 70% мусульманского населения, и в Кувейте (30%). Об угрозе расширения влияния шиитов на другие арабские

[45] Giacomo Luciani. The Arab state. – London: Routledge. 1990. P. 5

[46]. В настоящее время по разным оценкам сунниты составляют от 80 до 85 % мусульман, шииты соответственно – от 15 до 10 % (оставшийся процент составляют представители других течений ислама).

[47] Термин «шиитский полумесяц» впервые употребил иорданский король Абдалла Второй в 2004 году в интервью газете «Вашингтон пост» незадолго до парламентских выборов в Ираке.

страны начали говорить еще до арабских революций 2010 года. В свою очередь «суннитский пояс» протянулся от Египта через Иорданию в Турцию и поддерживается подавляющим большинством монархий Персидского (Арабского) залива во главе с Саудовской Аравией.

В соответствие с суннитским представлением о престолонаследии в странах Северной Африки, например, глава страны избирается населением в ходе выборов. В монархиях персидского Залива ситуация несколько иная - у власти находятся королевские семьи, объединившие территории страны под своим руководством. Однако проблема выбора в этих странах не стоит – власть в монархиях Залива была доверена в свое время вождями всех крупных племен одной семье, которая заслужила наибольшего доверия и фактические была избрана народом. Например, верховная власть в Саудовской Аравии принадлежит династии ас-Саудов, которые управляют территорией страны с 1932 года[48]. Выборность наследника определена в соответствие с главой 2 статьей 5 Конституции Королевства Саудовская Аравия: «Власть принадлежит сыновьям короля — основателя государства Абдель Азиза Абдель Рахмана аль-Фейсала Аль Сауда и сыновьям их сыновей. И присягает наиболее благочестивый из них, вступая на престол, на Книге Всевышнего Аллаха и сунне Его Пророка, да благословит его Аллах. Король избирает наследного принца и смещает его своим указом»[49]. Наследником престола, таким образом, становится один из сыновей короля, которого выбирает сам король. В других государствах Залива, например, в Кувейте, власть является также наследственной, но наследника определяет Национальная Ассамблея: «Кувейт – наследственный Эмират, наследование принадлежит потомкам покойного Мубарака ас-Сабаха. Бесспорный наследник назначается в течение года с момента вступления на престол

[48] Распространение власти семьи ас-Сауд началось еще с 1744 года, когда Мухаммад ибн Сауд объединился с Мухаммадом ибн Абд аль-Ваххабом –основоположником учения, позднее получившего название ваххабизм и ставшего официальной доктриной нового государства Саудовской Аравии.

[49] Конституция Королевства Саудовская Аравия 1992 г., глава 2, статья 5. http://worldconstitutions.ru/?p=86 (дата обращения 13 04 2015)

Эмира. Его назначение будет проводиться в соответствии с Регламентом Эмирата и при одобрении Национальной Ассамблеей, выраженном большинством голосов ее членов на специальном заседании»[50].

На основе религии выделяют следующие *типы* систем государственного устройства в мусульманских странах[51]:

1. «Система имама» - вся власть принадлежит духовному лидеру. В странах с этим типом системы существуют два вида общин: отдельные, разрозненные группы и преимущественно ортодоксальные общины. К первому виду можно отнести такие страны как Йемен и Оман, а ко второму виду - Марокко.

2. «Система альянса»- разделение власти между духовным и светским лидером. Этот тип системы подразумевает разделение власти между вождем племени (общины) и духовным наставником. Вождь вступает в союз с влиятельным религиозным деятелем и благодаря его поддержке распространяет свою власть на другие общины. Наиболее ярким примером такого союза выступает Саудовская Аравия.

Если в основу положены только *традиции и суверенитет,* то политические системы становятся более секулярными:

3. «Секулярная система». Здесь власть сосредоточена в руках одной династии и относительно свободна от религиозных атрибутов. К странам с такой системой можно отнести Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Йемен, Бахрейн и Катар.

4. «Военно-бюрократическая система», олигархия, подразумевает, что власть принадлежит военным, которые со временем создают огромный бюрократический аппарат. Наиболее яркими примерами являются некоторые страны Северной Африки, в частности, Египет после революции.

---

[50] Конституция Государства Кувейт 1962 г., часть 1 статья 4. http://worldconstitutions.ru/?p=91 дата обращения 13 04 2015)

[51] Под политичекской системой мы понимаем совокупность государственных и негосударственных общественных институтов, правовых и политических норм, взаимоотношений политических субъектов, посредством которых осуществляется власть и управление в данном обществе.

5 «Колонизаторская система», созданная странами-колонизаторами. Границы новых государств были определены с учетом имперских интересов западных стран. В новообразованных государствах отсутствовала четкая структура власти, на основе которой можно было бы выстраивать новую политическую систему. В эту группу государств включают Ирак, Сирию, Иорданию и Палестину.

В этой части работы мы рассмотрели существенные признаки государства, феномен государственности и государственной состоятельности, возможные критерии последней; ядро мусульманской государственности. Полученные результаты дают возможность перейти к дальнейшему этапу исследования и рассмотреть роль государства в политическом процессе.

Параграф2

Формирование государственности и политический процесс

В мусульманских странах ключевым актором политического процесса является государство – оно определяет цели, проводит реформы и регулирует все сферы жизни общества. Государство играет важную роль в экономике, в правовой области и в социальной. При этом часто сохраняются традиции общинных отношений, что позволяет руководителю страны налаживать связи с главами различных общин и таким образом поддерживать свой авторитет в разных по этническому и конфессиональному составу группах.

Рассмотрим содержание понятия политический процесс как политической деятельности, осуществляющейся в ходе взаимодействия различных акторов, преследующих определённые политические интересы по поводу власти. Выделяют ядро политического процесса и семь его основных характеристик.

Ядро политического процесса состоит из четырех элементов причины инициации политического процесса (например, осуществление интересов элит, революция, гражданская война); проекта – теоретического замысла процесса, созданного для реализации определенных интересов; средств реализации проекта - ресурсов (материальные, информационные и людские ресурсы и ресурсы власти); цели – идеализация результата политического процесса[52].

В основе инициации политического процесса, как правило, лежит конфликт интересов различных групп. Причинами возникновения конфликта могут стать неравенство в обществе; расхождение во взглядах на основные векторы внутренней и внешней политики; различие в подходах к идентификации политических акторов (этническая, конфессиональная принадлежность); борьба отдельных ветвей власти за установление своего

[52] И. И. Кравченко. Бытие политики. – Москва: ИФ РАН. 2001. С. 94

статуса. Что касается проекта политического процесса, то с одной стороны, его авторы стремятся сделать его рациональным.

Критерии рациональной политики сводятся к выполнению программы, которая а) основана на фундаментальной концепции общества и построенной, исходя из нее, теории данного процесса; б) адекватно отображает действительность, законы и тенденции ее изменения, реальное «пространство возможного»; в) исходит из представления о данном политическом процессе как о системе, способной развиваться и активно взаимодействовать с другими системами (со средой), внутренне когерентной; г) преследует соответствующую возможностям цель; д) обладает средствами полной реализации своих собственных возможностей; е) способна критически оценивать результаты выполнения программы»[53]. Каждый критерий теоретизации проекта учитывает возможный период его реализации, то есть его длительность. В зависимости от краткосрочности или продолжительности происходящих изменений в политической жизни страны может происходить трансформация всей системы или отдельных ее элементов (например, баланс политических сил). Коренные изменения в политической жизни страны могут произойти как за несколько недель или дней, так и длиться годами.

С другой стороны, идея проекта политического процесса имеет прямое отношение к феномену политической утопии[54]. Политическая утопия подразумевает неосуществимый проект политического процесса, который:

1) Не может быть реализован при данных условиях только в данный момент времени, то есть потенциально осуществимый (например, решение проблемы всеобщей необразованности)

[53] Там же. С. 107
[54] Там же. С. 92-112

2) Может быть осуществлён только в идеальной перспективе и при теоретически возможных условиях (решение проблемы загрязнения окружающей среды)

3) Не может быть осуществлён никогда и ни при каких условиях – абсолютная утопия (мирные отношения между всеми государствами планеты)[55]. Таким образом, проект политической утопии обычно не имеет отношения к реальной действительности, ставит невыполнимые на нынешнем этапе цели и идеализирует результаты политического процесса.

К средствам реализации политического процесса, прежде всего, относятся структуры власти. Причинами неэффективности этого средства могут быть величина бюрократического аппарата, коррупция, отсутствие четкого распределения полномочий между властными структурами. По форме средства реализации политического процесса делятся на мирные (убеждение) и насильственные (принуждение), может реализовываться стратегия репрессий, кооптации, строительства политических институтов. Государственная власть может убеждать общество, может манипулировать им через систему поощрений в экономической, социальной и других областях. При этом власть может прибегать к средствам как мягкого, так и жесткого убеждения. Методами жесткого убеждения пользуются авторитарные и диктаторские режимы (иногда к таким методам прибегают и псевдодемократические режимы). Список подобных методов огромен – от вынесения обвинительных приговоров по выдуманным делам, отстранения от должностей своих оппонентов и ссылок в отдаленные части страны или в другие страны до физических расправ и массовых репрессий. Со стороны общества методы политической деятельности также могут быть мягкими и жесткими. К первым относятся мирные протесы, ведение диалога с властями, гражданская активность. Во втором случае, не добившись ощутимых

[55] Там же. С. 131

результатов, общество переходит к выражению громких протестов, устраивает беспорядки.

Цель, совершенная на стадии проектирования, может не совпадать с итоговым результатом. Изначально она позиционируется как стремление к высшему благу (например, «во имя» Родины, отечества, нации и пр.). Достижение конечной (абстрактно-общей) цели требует прохождения ряда этапов, поэтому этот процесс – дискретен, то есть представляет собой процесс реализации нескольких частных (промежуточных) целей. Частные цели должны воплощать в себе этапы общей идеальной цели, а не противоречить ей и не отдалять от ее достижения. Среди нарушений, которые могут привести к результату, обратному ожидаемому, ошибочное определение целей политического процесса (цели должны быть адекватны существующей действительности). Вторым препятствием на пути достижения идеальной цели является неэффективность институтов власти при выполнении своих обязанностей. В связи с этим в понятие «политический процесс» изначально заложена важнейшая характеристика политической деятельности – изменчивость. Постоянные изменения, происходящие в процессе политического взаимодействия, связаны с тем, что поведение человека (как актора политического процесса) невозможно предсказать с абсолютной точностью. Изменчивость политического процесса не позволяет задать алгоритм, который позволил бы определить конкретное развитие событий в будущем. В связи с этим не всегда можно детально и точно спрогнозировать, как повлияет то или иное событие на политическую систему государства. Политические изменения представляют собой процессы, которые плавно или резко приводят к переменам в сложившемся режиме.

Наиболее радикальный тип политического изменения – государственный переворот. В результате государственного переворота не происходит существенных позитивных изменений в жизни государства. В

отличие от государственного переворота революция приводит к коренным изменениям в политической системе и позитивным переменам в жизни общества. Однако в обоих случаях возможны множественные жертвы среди мирного населения. Позитивный способ политических изменений связан с трансформацией существующей системы в соответствие с запросами гражданского общества. Подобные изменения происходят в результате продуманных и эффективных реформ, проводимых руководством страны. При этом власть в первую очередь может руководствоваться исключительно желанием сохранить власть в своих руках, что в дальнейшем может привести к новым недовольствам.

Есть и другие характеристики политического процесса: правовая база, участники, типы, формы, характер политического участия, управление и регулирование, масштаб и кризис политического процесса.

Для обеспечения правовой базы отношений между участниками политического процесса вводятся различные нормы, принципы, создаются законы на государственном и региональном уровнях. Регуляторы могут быть как устными и общепринятыми традиционными ценностями, так и закрепленными в определенных документах и выносимыми на обсуждение нормами права. К первым можно отнести обычаи, мораль, ценности. Во второй блок включают различные правовые документы, упорядочивающие жизнь гражданского общества и его взаимодействие с институтами власти. Обычно процедура принятия новых актов, в особенности международного значения, длится очень долго и включает в себя несколько этапов рассмотрения документа на различных уровнях, длительного обсуждения и внесения поправок.

Выделяют несколько основных участников политического процесса. В первую очередь это – политические системы, вписанные в определенные политические режимы. Наиболее распространенная в настоящее время в мире система – демократическая.

Многие государства обозначают свои политические системы как демократические, прописывая это в различных официальных документах. Однако в реальности некоторые из них находятся в самом начале пути становления демократических ценностей и, по сути, являются авторитарными режимами. Эти государства провозглашают верховенство демократических ценностей, при этом, не решив многие внутренние проблемы. Такие демократии называют развивающимися (emergent democracy[56]). Обычно они возникают на месте авторитарных и военных режимов.

Демократия вообще- предмет споров, возможность творения нового политического процесса**,** одна из характеристик его незавершенности, потенциала роста. Общими признаками демократии являются ненасилие в общественной жизни, общественный контроль за принимаемыми решениями, политическое равенство граждан. Демократические институты никогда не будут совершенны, равно как и то, что в демократии существует определенный ограничитель на власть определять наши политические судьбы. Ж. Деррида верно заметил, что демократия всегда «приходит» *(ä venir)* в будущее *(avenir)* , которое никогда не будет полностью настоящим» Демократия всегда где-то на горизонте[57].Существует неопределенность прежде всего касательно самого субъекта демократии. В разных видах и формах демократии им выступает то партия (буржуазная, советская демократия), то человек , личность, гражданин *(*современные западные форму демократии). В целом выделяют нелиберальные и либеральные формы демократии. К нелиберальным относятся консерватизм (аристократическая, олигархическая) ; марксизм,(формальная и подлинная , то есть рабочего класса); социал-демократизм (эгалитарная),национальные

[56] Derbyshire J. D., Derbyshire I. Political systems of the world. - New York: St. Martin's Press. 1996. P. 31-32

[57] Smith, Daniel W. Deleuze and Derrida, Immanence and Transcendence: Two Directions in Recent French Thought / Between Deleuze and Derrida. John Protevi, Paul Patton (eds.) — N.Y.: Bloomsbury Academic, 2003. — Pp. 46—66

демократии, (например, культуркампф в Германии эпохи Бисмарка - насаждение прусского диалекта) . К либеральным формам демократии относят делиберативную (Ю Хабермас), аггрегативную (Г. Алмонд) агоническую (Ш Муфф), минималисткою Й. Шумпетер) партисипативную , плебисцитарную (А. Шлензингер) . В США **с** 1993г. существует доктрина расширения демократии – enlargement of democracy как приоритет национальной безопасности, хотя внутри государтства существует опасность формирования режима «имперского Президентства»,, как возможность президента подмять под себя Конгресс и Верховный суд. В целом свобода выборов развитая публичная сфера (открытость принятия решения, контроль за ними со стороны СМИ); наличие развитого гражданского общества с возможностью реализации гражданского права, защитой частной собственности, делающей гражданина независимым от государства, являются главными чертами либеральной демократии как доминирующего политического режима на Западе . Государство является ее гарантом и гарантом достижения компромисса между политически силами общества.

В России существует своя форма демократии – суверенная[58], в Китае-полуторапартийная (правящая партия плюс консультация с другими, признающими ее роль). Дэн Сяопин провозгласил верховенство закона , запрет пожизненного лидерства, , а Ху Цзиньтао укрепил социалистическую демократию как многопартийное сотрудничество, практика альтернативных выборов.

В мусульманских же странах существует особый тип исламской демократии. Саудовский политолог Мохаммад ар-Раиси, выделяет, например, следующие *особенности исламского типа демократии:*

1. Ислам объединяет членов *уммы* (общины) на основе единства веры и духовных принципов, а не искусственных границ, как это делается в

[58] Суверенная демократия : от идеи к доктрине. Сб. ст. / Д. Орлов [и др.]. - *М.* : Европа, 2007.

западной демократии, определяющей нацию, как совокупность людей, проживающих на одной территории и владеющих одним языком.

2. Цели западной демократии направлены на обеспечение материальных потребностей своей нации. Исламская демократия стремится к достижению не только материальных, но и духовных целей.

3. В западной демократии абсолютная власть находится в руках народа, в то время как в исламской воля народа ограничена волей Бога и его законами, которые соответствуют истинным интересам человека[59].

Идеи панисламизма актуальны для мусульманских стран и сегодня. В Иране на протяжении нескольких десятилетий относительная стабильность в стране сохраняется благодаря жесткой происламской власти. В связи с этим можно говорить о еще одной особенности управления в мусульманских странах – *наличие сильного руководителя*, наделенного широкими полномочиями и сохраняющего власть в своих руках на протяжении долгих лет вне зависимости от его конфессиональной принадлежности. В странах Северной Африки и «плодородного полумесяца»[60] руководитель пользовался поддержкой армии и бюрократического аппарата, в котором преимущественно работали его приближенные. В течение нескольких десятилетий благодаря такому управлению в этих странах сохранялась относительная стабильность, несмотря на существование оппозиционных настроений. В монархиях Персидского залива благодаря высоким доходам от нефти и справедливому разделению этих доходов между гражданами государств, правящие режимы также долгие годы сохраняли и продолжают сохранять стабильность в стране. Уровень коррупции в монархиях гораздо ниже, чем в других арабо-мусульманских странах. Это связано именно с тем,

[59] Dr. Suleiman Bin Abdul Rahman Al-Hokail. Human rights in Islam. – Riyadh. 2001. P. 278-279

[60] Страны плодородного полумесяца – Сирия, часть Иордании, Ирак, Израиль, Ливан, часть Турции, часть Египта. Включает в себя также все курдские территории Ирака, Сирии, Турции и Ирана. Эти территории являлись наиболее плодородными, обладали пресноводными источниками, за которые шла постоянная борьба (политическая и военная). Термин введен археологом Дж. Г. Брестэдом в 1906 году в книге «Древние летописи Египта». Существует также термин «плодородная луна», под которым понимается империалистический план по объединению Ирака, Сирии, Ливана, Иордании и Саудовской Аравии.

что глава государства не выбирается каждые четыре-пять лет, а является постоянным. На его место не приходит новый человек, который стремится воровать из государственной казны, понимая, что он, скорее всего, не задержится надолго на своем месте. Это послужило одной из ряда причин, по которой революции в арабских странах не охватили в таком масштабе регион Персидского залива - арабы Залива довольны своей жизнью и не сталкивались с массовым засильем коррупции и бюрократии.

Следующей особенностью исламской демократии в арабских странах является установление так называемых «республиканских династий»[61]. Их суть заключается в подготовке действующими главами государств своих наследников к роли главы государства в будущем. Такая практика типична не только для упомянутых монархий Персидского залива, но и для стран со светской формой правления. Например, в Сирии у власти в течение почти 30 лет находился Хафез аль-Асад, который планировал передать власть после себя одному из своих сыновей. Так и случилось в 2000 году, когда президент скончался и новым главой государства стал его сын Башар аль-Асад (Хафез аль-Асад готовил на эту должность другого сына, но тот погиб в автокатастрофе в 1994 году).

Особое место в арабской демократии занимает вопрос многопартийности. С одной стороны, наблюдается переход некоторых арабских государств от однопартийной системы к многопартийной. С другой стороны, сохраняется лидирующая роль одной правящей партии. Проблема заключается в том, что многочисленные партии стремятся закрепиться в существующем режиме, заключая соглашения с руководящей партией, вместо того, чтобы отстаивать собственные интересы. Для дальнейшего развития общественно-политических отношений необходимы

[61] Сапронова М. А. Политический процесс в арабских странах. – Москва: МГИМО-Университет. 2008. С. 23

изменения в «социальной базе правящих режимов и реальное воздействие оппозиционных партий на ход политического процесса в целом»[62].

Краткий обзор теории демократии показал, что сегодня формируется теория многовариантной демократия, в которой рассмотрены ее ключевые проблемы, в том числе и такие как соотношение демократии и национализма, демократия и федерализма, пост-социализм, доктрина «демократического транзита и многие другие.

Другими участниками политического процесса являются политические институты, - государство, политические партии, гражданское общество. организованные и неорганизованные группы людей. К последним относятся оппозиционные движения, этнические или экономические лобби, региональные отделения международных организаций (стремящиеся изменить политику государства, в котором они располагаются), социальные группы, возникшие в результате каких-либо значительных событий массы людей. В современном мире в политический процесс все активнее включаются различные социальные группы (молодежь, творческие союзы, конфессиональные группы). С одной стороны, это означает позитивную динамику в развитии политического процесса за счет представления всех слоев населения страны. С другой стороны, наличие множества групп, каждая из которых преследует свои интересы, осложняет процесс принятия решения, которое удовлетворяло бы интересы всех групп. При этом при сохранении определяющего влияния институтов власти на политический процесс видно усиление роли в нем экономического фактора, а также различных национальных и иных меньшинств, стремящихся к автономии или абсолютной независимости.

Еще одним важным участником политического процесса является отдельная личность. Роль личности в политике – широко обсуждаемый сегодня вопрос и нельзя отрицать ее значимость при рассмотрении

[62] Там же. С. 13

политического процесса, в особенности в странах ислама, где традиционно во главе государства стоял сильный руководитель.

Типы политических процессов определяются цивилизационной принадлежностью, природой правящего режима характеристиками политической системы и пр. Для нашего исследования важно то, что общества, в которых проходят политические процессы, в самом общем виде делятся на два типа – западное и не-западное общества. М. Пай сформулировал ключевые различия между этими обществами, среди которых наибольший интерес представляют следующие:

«1. В незападных обществах нет четкой границы между политикой и сферой общественных и личных отношений.2. Оппозиционные партии и стремящиеся к власти элиты часто выступают в качестве революционных движений.3. Велика роль харизматических лидеров.4. Национальное руководство вынуждено апеллировать к народу как к единому целому, не различая в нем социальные группы»[63].

Подобное деление позволяет увидеть основные отличия между осуществлением политических процессов на Западе и на Востоке.

По форме политические процессы делятся на базовые и периферийные, открытые и закрытые, стабильные и переходные, вертикально и горизонтально ориентированные процессы, добровольные и спонтанные. К первым относят такие изменения в политической жизни, которые связаны с трансформацией базовых свойств политической системы. Например, проблема политического участия граждан, не включенных в процесс выработки государственных решений или изменения в одной из ветвей власти (исполнительной, законодательной, судебной). В качестве примера периферийного политического процесса можно привести отношения между гражданами и властными структурами в отдаленных от центра районах, где

[63] Pye L.W. The non-western political process. Journal of politics. 1957

развита система местного самоуправления. Политические процессы бывают открытые и закрытые в зависимости от результатов политических изменений. Открытые политические процессы подразумевают, что конечный результат происходящих изменений нельзя однозначно оценить в позитивном или негативном свете. Закрытые процессы, в свою очередь, обладают конкретным позитивным или негативным характером и позволяют увидеть конечный или «закрытый» перечень альтернативных решений. Стабильные процессы соответственно проходят в спокойной обстановке, обладают определённой направленностью действий и относительной предсказуемостью. Нестабильные политические процессы характеризуются отсутствием представления об организации власти и несбалансированным подходом к осуществлению изменений в политической системе.

Существует разделение политических процессов на вертикально и горизонтально ориентированные процессы. Первые характерны для монархий, авторитарных режимов, некоторых псевдодемократий. Их суть заключается в формировании определенных ценностей и идеалов, которые подразумевают уважение законов и доверие к руководству. Горизонтально организованные процессы можно наблюдать в реальных демократических режимах, которые основаны на равенстве прав и возможностей для участия в политической жизни общества. В государствах такого типа формально существует автономия в принятии решений различных групп общества.

Добровольные и спонтанные политические процессы связаны с характером политического участия граждан. В первом случае граждане по своей воле устанавливают отношения с государством и институтами власти, в то время как в спонтанных политических процессах участие граждан регулируется другими факторами. При спонтанных политических процессах авторитарные лидеры навязывают гражданам свои методы управления и заставляют принимать решения в интересах непосредственно управленческой элиты.

Управление и регулирование политических процессов осуществляется за счет планирования и программирования поведения участников процесса. Политическая прогностика занимается составлением возможных сценариев развития общества в зависимости от природы этого общества и от средств реализации этих сценариев. Средствами решения конфликтов в политическом процессе могут быть убеждения и переговоры (например, попытка решить арабо-израильский кризис переговорным путем) или военным путем (нынешний конфликт в Украине).

Масштабы изменений и политического участия также являются важной характеристикой политического процесса. Например, изменение всей Конституции государства или проведение конкретных реформ. В изменениях также может участвовать все общество или только его часть.

Очевидно, что при рассмотрении политического процесса также важно понимать, что он иллюстрирует реальное взаимодействие между его участниками. Идеально протекающие процессы с исключительно позитивными результатами труднодостижимы в действительности, точнее сказать, такими «бывают далеко не все политические процессы»[64]. Деятельность политиков априори направлена на достижение эффективного результата и успеха. Однако в реальности политический процесс осложняется множеством факторов, в том числе связанных с другими областями человеческой жизни – культурной, экономической, правовой. В протекании политического процесса возможно возникновение кризисов, таких как: утрата внутренних импульсов, неадекватность поставленных целей, недостаточность средств реализации, утрата цели, противоречивость и неготовность общества к переменам, избыточная завязанность на другие социальные процессы.

В первой главе диссертационного исследования мы рассмотрели феномен государства XXI века: ключевые характеристики и типы, принцип

[64] И. И. Кравченко. Бытие политики. – Москва: ИФ РАН. 2001. С. 83

суверенитета и дискуссии вокруг него, понятие государственной состоятельности и ее критерии, трудности государственности непризнанных и несостоявшихся государств. В последнем параграфе мы рассмотрели основные параметры политического процесса, прямо воздействующего на формирование государственности. Полученные данные дают нам возможность перейти к решению следующей задачи исследования, а именно - к выявлению особенностей государственности Афганистана, в том числе ключевым моментам трансформаций его государственности.

Глава вторая

Деконструкция государственности Афганистана

Параграф1

Трансформации государственности Афганистана

Рассмотрим ключевые этапы становления государственности Афганистана, начиная с середины XX века. Это даст возможность реконструировать логику развития политического процесса в стране. При этом мы исходим из того, что, во-первых, власть в мусульманских странах, как и в западных, осуществляется через три института власти: законодательную, исполнительную и судебную. Во- вторых, что форма государства складывается из трех элементов: формы государственного правления, формы государственного устройства и политического режима

Законодательной властью в мусульманских странах наделен Парламент (Генеральная или Национальная Ассамблея), который осуществляет процесс выработки и обсуждения законов и действий. Депутаты обладают правами контролировать деятельность правительства, одобрять или не одобрять состав правительства, вносить законодательные инициативы. Некоторые отечественные востоковеды, как, например, Сапронова М. А. выделяют также отдельно *законосовещательную* власть, характерную, например, для стран Персидского залива. Ее назначение заключается в обсуждении и «обмене мнениями между представителями различных групп населения в целях достижения консенсуса» [65] по ключевым вопросам политики. В Афганистане законосовщательная власть представлена Лоя Джиргой. «Общенациональная джирга, или Лойя Джирга состоит из представителей элиты афганского общества, племенных вождей и

[65] Сапронова М. А. Политический процесс в арабских странах. – Москва: МГИМО-Университет. 2008. С. 80

общественных деятелей. Созывается при возникновении сложных обстоятельств в Афганистане. Она выступает высшим надпарламентским органом власти в Афганистане. Лойя Джирга образует важный элемент государственного строя Афганистана со времени образования Дурранийской державы вплоть до наших дней».[66] Лоя Джирга, существующая в Афганистане более 230 лет, играет решающую роль в определении вектора развития афганского государства, «она никогда не была ограничена определенным временем и местом ее созыва, а также количеством участников, существуют три вида этого органа: общенациональная, племенная и местная джирга, решения Джирги являются обязательными для правительства в осуществлении внутренней политики и разработке важнейших законопроектов»[67]. Начиная с 2004 года в Лойя Джиргу могут входит женщины и представители всех слоев населения.

Исполнительная власть в мусульманских странах представлена Президентом (Королем или Эмиром) страны и Советом министров. Президент избирается Советом Представителей большинством в две трети голосов по мажоритарной системе. Если ни один из кандидатов не набрал требуемого большинства, проводится второй тур выборов. Что касается монархий, то существует несколько видов мусульманских монархий: абсолютная (вся власть принадлежит королю – Саудовская Аравия), дуалистическая (король делит власть с высшим представительным органом – Кувейт), парламентская (Марокко), выборная (Объединенные Арабские Эмираты) и в отдельную группы выделяют Катар и Оман, где существует Совет Шуры (законосовещательная власть), который оказывает влияние на принимаемые решения наравне с монархом

[66] Политическая система Афганистана. Воздействие племенной организации // http://www.mgimo.ru/files2/2014_06/up73/file_15df56ba57e503aa2d38512ecafc0f36.pdf (дата обращения 17. 05. 2015)

[67] Хашимбеков Х. Лоя Джирга как представительный орган государственной власти Афганистана // Афганистан в начале XXI века М, 2004. , стр. 77.

Совет министров во главе с Премьер-министром занимаются общими вопросами политики государства, планами развития, распределением бюджета, изданием законопроектов и инструкций. Большинством в Парламенте принимается кандидатура нового Премьер-министра, который затем по поручению Президента страны формирует новый кабинет министров. Все кандидаты в министры должны быть одобрены Советом Представителей.

Несмотря на положительные моменты мусульманского типа управления государством, остаются нерешенными многие социальные и политические проблемы. Высокий уровень коррумпированности, семейная преемственность на различных государственных постах и недееспособность многочисленных партий не способствуют развитию демократии. Наблюдается повсеместное нарушение прав человека. Все эти проблемы не обошли стороной и Афганистан.

Начнем с *первого этапа*- монархии времен короля Захир- Шаха. Мы полагаем, что эту систему государственности можно считать «секулярной системой», где власть сосредоточена в руках одной династии и *относительно* свободна от религиозных атрибутов. Королевство Афганистан по форме государственного устройства было унитарным, а политический режим - авторитарным, где «дилемма диктатора» решалась в русле стратегии репрессий. Чрезмерное « увлечение» короля этой стратегией привело сначала к череде смены правительств, каждое из которых пыталось инициировать новый политический процесс в Афганистане, а в конечном итоге результировалось крушением самой монархии в 1973 году. Все началось с того, что правительство М. Дауда, пришедшее к власти в 1953 году стало реализовывать идею укрепления политических институтов[68]. Старый государственный аппарат короля не справлялся с требованиями времени, ясно артикулированными как правыми, так и левыми и левацкими

[68] О плане реформ М. Дауда см. Афганистан: проблемы войны и мира. М, 1996, стр. 8-9 .

силами страны. Главной задачей новое правительство считало достижение социальной справедливости, однако методы и акценты были выбраны неудачно, они провоцировали этнические конфликты, мелкие предприниматели были отсечены от властных структур, традиционные группы интересов были насильственно устранены от процесса принятия решений. В результате правительство Дауда ушло в отставку и кабинет возглавил М. Юсуф, предложивший ввести новый основной закон страны-Конституцию. Она была принята Лоя Джиргой в 1964 году и подтвердила конституционную монархию как форму правления . «Конституция заложила основу для нового политического курса, получившего известность как «демократический эксперимент», продолжавшийся с 1964 по 1073 гг.» [69] . Тогда же был принят новый закон о выборах, представивший избирательное право женщинам. Вероятно, именно это «обстоятельство молодости» афганской демократии сыграло с правительством Юсуфа злую шутку: протесты против его политики, как внутренней, так и внешней переросли в непрекращающиеся массовые демонстрации. В результате к власти пришел новый кабинет во главе с С. Майвандвалем. Его программа провозглашала приоритет взаимопонимания между правительством и народом. К сожалению, эта идея оказалась нереализуемой: ширящийся спектр политических партий разного толка, невиданный рост политической и социальной активности привели к глубокому кризису политической системы, посредством которой осуществлялась власть и управление в афганском обществе.

Последующие правительства Н. Иттимади (1967г.), А Закира (1971г.), М. Шафика (1972г.) пытались поддержать систему государственного управления, укрепить внутренний суверенитет страны. Однако ее разбалансированность и агрессивное внешнее окружение привело к падению монархического режима в результате армейского переворота.

[69] Афганистан. Справочник, М, 2000, стр. 79.

В 1973 году появилась Республика Афганистан, ее возглавил все тот же М. Дауд и провозгласил эпоху модернизации. Мы полагаем, что это- *второй* этап эволюции государственности современного Афганистана при сохранении в целом секулярной системы.

В области государственного строительства новое правительство делало акцент, прежде всего на оптимизации управленческой (административной) способности государства. По сути дела, речь шла об укреплении дееспособности государства через повышение качества его бюрократии [70]. Государство Афганистан по форме правления стало парламентской республикой, по форме государственного устройства осталось унитарным, а политический режим сменился демократическим

Следует подчеркнуть, что период, так сказать, «первой» Республики распадается на два этапа, последовательная смена которых привела к политическому кризису и гражданской войне в стране. На первом этапе демократический политический режим трансформировался в авторитарный. Ему стали свойственны неподконтрольность власти народу, были сужены или отменены принципы выборности государственных органов и должностных лиц, подотчётность их населению и многое другое. По сути дела в Афганистане сформировался вождистский авторитарный режим, где диктатор «оттирал» от власти левые и ультралевые силы, а также исламистов во главе с Г. Хекматияром и Б. Раббани, последний из которых был таджиком и усматривал в своем насильственном устранении от участия в политическом процессе в стране все признаки этнической дискриминации. Принимая во внимание сложный этнический состав Афганистана это было серьезным обвинением режиму.

На втором этапе «первой» Республики ее парламентский характер в силу дикторских амбиций Дауда сменился президентским- в 1977 году Лоя

70 Baeck H., Hadenius A. Democracy and State Capacity: Exploring a J-Shaped Relationship. Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions, 2008, 21(1). pp. 1-24.

Джиргой он был избран Президентом С этого момента силовые структуры стали практически неподконтрольны обществу и использовались Даудом в политических целях, сложился «режим личной диктатуры М Дауда»[71]. Этому способствовало и проникновение в страну радикальных идей суннитского политического мышления : демократические политические институты, так и не успев толком оформится, пали под ударами иерархической структуры, репрессивного аппарата и дикторских амбиций правителя.

Разразившийся кризис привел к государственному перевороту, совершенному в 1978 году Народно-демократической партией Афганистана, возглавляемой Б. Кармалем и Н Тараки. Это составило *третий период* эволюции государственности Афганистана.

Афганистан был провозглашен Демократической республикой и получил просоветское правительство. Сохранялась все еще, однако постепенно все больше деконструируясь, «секулярная система» мусульманской государственности. Мы полагаем, что это была «вторая» Республика. Однако внутренняя борьба за власть, желание устранить из всех подсистем политической системы общества своих оппонентов привели сначала к устранению Б. Кармаля, затем к убийству Тараки и, в конце концов, власть захватил Х. Амин, возглавивший революционный режим диктатуры левых, смоделированной по принципу суверенной диктатуры, теоретизированному К. Шмиттом[72]. Однако радикализм Амина и его неоднозначное отношение к СССР, попытки заигрывания с США привели к вводу на территорию Афганистана вооруженных сил СССР и последующей организации нового социально и политического порядка, получившему совокупное название «коммунистический» , во главе с Б. Кармалем.

[71] Афганистан. Справочник, М, 2000, стр 87.

[72] Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. М, 2005.

Именно в этот период произошла почти окончательная утрата Афганистаном своей государственности, удерживаемая « в живых» прсто чудом. «Ликвидация М.Даудом монархии в 1973 году и подрыв позиций ислама в результате апрельских событий 1978 г. и последовавшего за ними советского присутствия привели к хаосу, распаду государства как политического института и дезинтеграции страны. Может быть , в первую очередь данными обстоятельствами была вызвана стихийная исламизация снизу..»[73]. При этом некоторые исследователи вообще полагают, что Афганистан никогда никакой государственностью и не обладал. Например, Ф Фукуяма пишет, что «В Афганистане никогда не было государства в современном понимании. При монархии, существовавшей до 1970-годов, когда начались политические беспорядки, страна представляла собой конфедерацию племен с минимальным распространением государственных учреждений за пределами Кабула» [74]

Если во времена модернизации клерикалы не претендовали на придание политической системе государства исламских атрибутов власти, хотя организация «Мусульманская молодежь», оформившаяся в 1969 году, и выступала с подобными идеями, то в новых условиях конфликт с коммунистами привел к «вооруженной конфронтации режима и исламской оппозиции и в целом к гражданской войне» [75]. Набирающее силу недовольство духовного сословия, отставленного от государственной власти, сформировало оппозицию- «моджахедов»-, которая возглавила борьбу с коммунистами и к 1980 годам контролировало почти всю территорию страны. Начала формироваться другая политическая ситема- «система –альянса».

[73] Лалетин Ю.П. Теократия талибов и афганская государственность. // Ислам на своременном Востоке. М, 2004, стр 133.
[74] Ф Фукуяма //Независимая Газета, 2006, 3.11.
[75] Корзун В.Г. Ислам и национальный вопрос в Афганистане. // Ислам на современном Востоке. М, 2004, стр 107.

Пришедшее к власти в 1986 году все еще просоветское правительство Наджибуллы изменило название страны – Республика Афганистан, убрав прилагательное «демократическая»; приняло новую конституцию и попыталось наладить диалог со всеми политическими сила в рамках программы национального единства. При этом ислам был провозглашен государственной религией страны. Однако это не изменило марионеточного характера режима; в 1988 году из страны были выведены советские войска; кризис государственной состоятельности принял необратимый характер и в 1992 году началось новая эпоха – эпоха *Исламского Государства Афганистан* во главе с правительством моджахедов. Это сформировало *четвертый период* строительства афганского государства и свойственную ему «систему –имама» как систему государственности.

Мы полагаем, что на первых трех этапах проблемы становления государственности Афганистана могут быть суммированы в следующих положениях:

1) Ключевой особенностью государственности Афганистана во все времена его существования были племенные отношения, *каум.* «Каум –это специфическое афганское сообщество, которое совмещает в себе черты клана и клиентеллы. Вот с этой группой в первую очередь и идентифицирует себя человек» [76]. Подрыв этого общества, выражающийся в кризисе авторитарной модели власти, отсутствии эффективного лидера, запустил процесс постепенного распада страны. Дж. Голдстоун полагает, что революции, возникающие в таких случаях, борются с так называемой «султанской» диктатурой. И хотя подобные режимы часто прочны, тем не менее, они уязвимы, поскольку в своей эволюции они запаздывают с реформами социальных и экономических структур[77].

[76] Политическая система Афганистана. Воздействие племенной организации. // http://www.mgimo.ru/files2/2014_06/up73/file_15df56ba57e503aa2d38512ecafc0f36.pdf (датат обращения 17 05 2015)

[77] Jack A. Goldstone. Understanding the Revolutions of 2011. Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies./Foreign Affairs. May/June 2011.

2) Несправедливое распределение материальных благ, сосредоточение экономических богатств и политической власти в руках узкого круга лиц, низкий уровень жизни неимущих слоев населения, растущая разница в доходах между богатыми и бедными, ухудшающееся материальное положение все большего числа граждан, неразвитость института социальной помощи.

3) Подавление демократических свобод при формальном признании демократии, фальсификации на выборах, произвол властей в центре и на местах.

4) Коррупция и деспотизм правящей верхушки.

Правительство моджахедов во главе с Б Раббани, Г Хекматияром и генералом Дустумом, пришедшее на смену коммунистам, попыталось создать новую политическую систему общества и инициировать новый политический процесс в нем. Особая роль отводилась исламу как культурно-идеологической доминанте. Это был первый шаг к установлению теократии. Однако вскоре « идея исламского государства … уступила место борьбе за власть »между лидерами моджахедов»[78], так что они упустили из виду главное- само государство. В 1996 голу лидер движения талибов мулла М. Омар был провозглашен «повелителем правоверных», а сам Афганистан - *Исламским эмиратом талибов* и это- *пятый этап* эволюции государственности Афганистана, где ее носителем выступали именно талибы.

Подчеркнем, что на протяжении всей истории Афганистана возникали различные комбинации отношений государства и религии, природа которых варьировалась от нейтрального состояния и взаимообогащения, к конфликту и противостоянию.

[78] Коргун В.Г. Ислам и национальный вопрос в Афганистане.//Ислам на современном Востоке, М, 2004, стр. 108.

Здесь мы встречаемся с тем, что ключевыми факторами, обуславливающие особенность политического процесса мусульманских странах вообще*, являются религия как императив политического процесса,* религиозные источники как абсолютная основа закона и особая форма исламской демократии, опирающаяся на мусульманские фундаментальные ценности и выраженная в этатизме и примате власти над народом.

По нашему мнению, ключевую роль в создании теократии в Афганистане сыграл принцип исламского права *«бид'а»*, который предполагает отвержение нововведений, противоречащих исламу. Он направлен на сохранение «ядра» религии и его экстраполяцию на всю политическую систему.

В эпоху Эмирата Афганистан все же оставался унитарным государством, хотя разного рода национальные движения и ставили проблему территориального раскола страны, пугая талибов то «Пуштунистаном», то новым, афганским « Таджикистаном». В целом «Исламский Эмират талибов просуществовал на территории Афганистана примерно 6 лет и пал под ударами антитеррористической коалиции во главе с США в конце 2001- начале 2002 года»[79]. Ему на смену пришла Переходная администрация Афганистана во главе с Хамидом Карзаем- *шестой* этап эволюции рассматриваемого предмета. Возвращение «системы-альянса».

«Восхождение Карзая к реальным вершинам власти широко известна. После свержения власти талибов 2001 году решением конференции афганских политических лидеров он был поставлен во главе временной администрации Афганистана. В 2002 году был избран временным президентом страны, а в 2004 г. первый раз победил на выборах президента страны. В 2009 году на очередных президентских выборах, после всех

[79] Сикоев Р.Р. Правление на основе шариата (на примере Исламского Эмирата талибов» // Ислам на современном Востоке, , стр. 115.

сложностей с возможным вторым туром голосования, победителем был вновь объявлен Хамид Карзай» [80]. В бытность Карзая президентом принята новая конституция страны, заново задавшая параметры политического и государственного устройства Афганистана. Хотя в названии Республики и сталось слова «исламская», все ее государственная власть сохранила светский характер. Но религия продолжала играть ведущую роль.

В числе прочих вопросов это ставит и проблему соотношения секулярного и постекулярного в современном мире, в Афганистане, с которой также весьма болезненно сталкиваются и республики Центральной Азии. «Концепт постсекуляризма вошел в социологическую и политико-философскую дискуссию в тот момент, когда новое внимание к религии в глобальном масштабе и внутри секулярных западных обществ породило вопрос о соотношении религии и политики, то есть вопрос, который современной социальной и политической мыслью считался решенным в процессе секуляризации благодаря таким ее следствиям, как отделение Церкви от государства, приватизация религии и ее постепенный упадок»[81]. Именно через этот факт, на наш взгляд, раскрывается характерное устройство политической власти в афганском обществе, хотя отношения с консервативными силами ислама очень непростые. Например, в крупных городах даже сейчас существуют силы, лидеры которых лишь формально признают правительство. Это связано с «адатом, с местными традициями и обычаями, авторитетом основных собственников, являющихся, как правило, и родоплеменными лидерами»[82].

Сегодня государство Афганистан сохраняет унитарную систему административного устройства, демократический политический режим,

---

[80] Кукарцева М., Вардак Спожмай. Биографемы политического лидера (Х. Карзай и Республика Афганистан // Обозреватель, Observer 2014, № 9. - С. 84

[81] José Casanova, “Secularization,” in International Encyclopedia of the Social and Behavioural Sciences, ed. J. Smelser Neil and Paul B. Baltes (Amsterdam, Paris et.al.: Elsevier, 2001).

[82] Князев А.А. Северо-восток Афганистана и сопредельные страны: перспектива экономического сотрудничества.Афганистана в начале XXI века, М, 2004, стр. 49.

парламентско- президентскую республику как государственный режим и это вселяет надежды его гражданам на преодоление политического кризиса, продолжающегося много десятилетий. В 2014 году новым президентом Афганистана, согласно договоренностям о создании в стране правительства национального единства и разделе власти, стал Ашраф Гани. Выбирая его, люди надеялись не только на укрепление государственности Афганистана, но и на создание в стране гражданского общества, что сегодня чрезвычайно важно для Афганистана. Гани ставит своей задачей создать национальное государство, что непросто, принимая во внимание принцип каума.

Очевидно, что применительно к Афганистану вопрос о природе нации неоднозначен, ведь Афганистан это многонациональная страна. Полагая, что иной альтернативы для ИРА нет, мы придерживаемся конструктивистского подхода к афганской нации, то есть, считаем нацию общностью, прежде всего, граждан. «Не нации создают национальные государства, а идея нации рождается среди народов (необязательно культурно однородных), как политическая программа. (…) Именно такое понимание заложено и в международно-правовую практику и соответствующие международные документы по вопросам о праве наций на самоопределение. Ни в одном из этих документов понятие «народ» не трактуется как одна этническая общность, в них нет выражения «право нации на самоопределение», ибо нация – это уже самоопределившееся образование»[83]. Принципами построения гражданской нации являются следующие: население, оказавшееся внутри этнической границы, считается входящим в нацию; сознательная ассимиляция этнических групп, в случае отсутствия у них однородной культуры. Если в Афганистане не удастся политически консолидировать пуштунов, таджиков и хазарейцев, то разрывы единого политического и национального поля неизбежны. Самое

[83] *Тишков В.А.* Этнология и политика: статьи 1989-2004гг., 2-е издание. М., 2005. С. 38.

страшное, что может произойти – гражданская война по типу сетецентрических войн.

Мы не согласны с мнением Фукуямы и ряда других исследователей, что на протяжении столетий все попытки «насадить в Афганистане государственность, сбрасывалась обществом немедленно»[84] Афганистан, несмотря на ряд глубочайших кризисов, всегда был государством с собственным национальным представлением об осуществлении власти и постоянно отстаивал собственный путь развития , несмотря на диктат внешних сил и внутренние противоборства. Он обладает особой институциональной матрицей как «устойчивой, исторически сложившейся системой базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер. Важным свойством институциональных матриц является их историческая устойчивость, инвариантность по отношению к внешним воздействия, так и действиям социальных сил внутри страны»[85]. На наш взгляд, в Афганистане такой институциональной матрицей, обладающей иммунитетом к коррозии, является, каум (термин введен французом О. Роа) как особая сфера управления, *совпадающего с политической лишь частью объемов*, механизм принятия и реализации властных решений, обязательных к безусловному исполнению обществом.

Мы согласны с тем, что именно каум есть «специфическое афганское общество, которое совмещает в себе черты клана и клиентелы»[86] При этом особое место в этом механизме занимает ислам. На протяжении столетий, пока страна была в состоянии отстаивать свой национальный путь развития, право страны не подчиняться силе внешних факторов, указанная

[84] Андреев С.Б. Афганситан: страна без государства // http://artofwar.ru/a/andreew_s_b/text_0040.shtml (дата обращкния 23 04 2014)

[85] Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М, 200, с. 24, 3.

[86] Лалетин Ю.П. Политическая система Афганистана: воздействие племенной матрицы // http://www.mgimo.ru/files2/2014_06/up73/file_15df56ba57e503aa2d38512ecafc0f36.pdf (дата обращения 05 05 2015)

институциональная матрица была элементом, удерживающим страну от краха. Однако рассмотренная нами трансформация государственности Афганистана, показывает, что как только традиционные черты и принципы организации государственности, складывающиеся и развивающиеся на протяжении многих столетий, были утеряны, в том числе и из-за угасания внутренних импульсов, страна оказалась на грани распада, сопровождающийся бесконечными этническим и социальными конфликтами.

Смена каждого из шести базовых этапов государственности Афганистана несмотря на все сложности, все же выявляет все же некоторые перспективы и вселяет надежды на постепенное выправление ситуации. При этом очевидно, что чрезвычайно динамичные изменения в политической реальности этой страны, предполагают новую логику интерпретации ее политических процессов, парадигм политического и государственного устройства и соответствующего им познавательного инструментария. Полученные данные дают нам возможность перейти к следующей части нашего исследования и начать с рассмотрения пятого (современного) этапа формирования государственности Афганистана, где ее носителями выступали талибы.

Параграф второй

«Система имама»- особенности государственности Афганистана времен Исламского эмирата талибов

Талибы как влиятельная политическая сила появились на политической арене Афганистана в 1994 году. К этому моменту страна фактически распалась на несколько регионов влияния, каждый из которых так или иначе находился в руках сил, подконтрольных ведущим афганским политическим деятелям - Раббани, Хекматияру, Дустому, Мохсени, Мухаммади и Гилани. Афганский народ к тому времени устал от насилия и жестокости моджахедов. Поэтому талибам было достаточно просто отказаться от сотрудничества с полевыми командирами, запятнавшими себя разбоем во время гражданской войны. В 1994 году количество талибов составляло около 12 тысяч человек, они захватили 9 из 30 провинции Афганистана, а в 1995 году их количество выросло уже до 25 тысяч человек, в их число уже входили уже не только пуштуны, но даже таджики и узбеки.

К тому моменту стремление указанных афганских политиков, лидеров моджахедов, сохранить целостность страны осложнялось процессами сепаратизма и активизацией террористической деятельности. Территория Афганистана представляла собой, во-первых, арену противостояния разных этносов- узбеков, пуштунов, таджиков, хазарейцев и др.; во-вторых, противоборства традиционалистов и фундаменталистов, в-третьих, борьбы группировок наркодельцов, в -четвертых, столкновения личных амбиций ведущих политиков. Дестабилизация обстановки являлась угрозой для региона в целом, но прежде всего для стран-соседей, а именно Пакистана. Именно власти последнего более других были заинтересованы в установлении мира в Афганистане, так как в этом случае для Пакистана «открылись бы благоприятные возможности для устремления на рынки

Средней Азии, ….. обеспечение безопасности на торговых путях и стало основной стратегической целью, поставленной перед формированиями талибов» [87]. В этой связи в стране был инициирован новый политический процесс, особенностями которого были заданы параметры формирования государственности Афганистана.

Причиной начала нового политического процесса стала необходимость установления мира в государстве. Однако пакистанский план по превращению Афганистан в своего сателлита был в первую очередь основан на стремлении контролировать страну, находящуюся на пересечении важнейших мировых торговых путей, и обеспечить бесперебойную торговлю исключительно в своих интересах. Для этого стране необходимо было решить внутренние конфликты и создать эффективно функционирующую политическую систему, учитывающую интересы всех групп населения. Воссоздание государственности Афганистана , носителями которой должны были стать талибы, стало *целью* политического процесса в Афганистане того времени. *Проект* политического процесса был подготовлен фундаменталистами, стремящимися создать унитарное исламское государство по типу халифата. Авторами этого проекта можно назвать муллу О. Омара и пакистанского министра иностранных дел Насруллу Бабара. Их деятельность политиков, благодаря переплетению их биографии с их политическим образом, трансформировалась в политический проект, который, как и всякий политический проект, «изначально задумывался и реализовывался именно как проект публичной политики» [88]

Политическая система Афганистана была практически разрушена, или как минимум была крайне нестабильна и не авторитетна для всех слоев населения. Нормализация положения в стране могла быть достигнута за счет

[87] Афганистан: проблемы войны и мира. М, 1006, стр. 159.
[88] Е. Малкин, Е Сучков . Политические технологии. М, 2014, Стр. 459

сохранения унитарного стабильного государства. Необходимо было не допустить формирования государства региональных властей, создать дееспособное правительство, договориться о процедуре принятия решений, выработать некое общее видение будущего государства. Однако можно утверждать, что цель и проект строительства новой государственности были заданы не самими гражданами Афганистана, а навязаны им извне, что привело к многочисленным экономическим, политическим, социальным и гуманитарным проблемам, насилию, и в конечном итоге краху политического процесса.

Средствами реализации цели политического процесса стали политические реформы (создание единого правительства в центре), реформы в области экономики (сохранение доходов от продажи полезных ископаемых внутри страны, создание благоприятного инвестиционного климата). Но главным средством осуществления политического процесса в стране была выбрана *жесткая исламизация*. Особенностью талибов было то, что они были фундаменталистами, сторонниками «учреждения «истинного исламского государства. Фундаменталисты видят перед собой один путь- не просто джихад в виде революции, которая санкционирует даже крайние, экстремистские методы борьбы за достижение поставленной цели. Они на практике осуществляют лозунг «цель оправдывает средства»[89]. Например, радио Афганистана с приходом талибов, было переименовано в «Голос шариата» и пропагандировало ценности фундаменталистского ислама. »[90].

Фундаментализм часто являлся неотъемлемой частью национальной политики большинства мусульманских государств, что отчасти объясняется «распространением секуляристских либеральных и левых политических идей, принятием новых законов и созданием новых социально-политических

[89] О.В Плешков. Движение «Талибан» истоки фундаментализма. // Афганистан: война и проблемы мира М, 1998, стр. 43.

[90] Berger P.L. The desecularization of the world: a global overview // The Desecularization of the World: Resurgent Reli gion and World Politics / Ed. by P.L. Berger. Washington, 1999. P. 34.

институтов»[91]. Именно это мы и наблюдали в Афганистане времен Республик. По мнению Петрухиной А.А., «особую роль в распространении и влиянии идеологии исламского радикализма в мусульманских странах играет создание руководителями этих стран политических, военных и пропагандистских организаций для укрепления своей политической и идеологической опоры» [92].В качестве примера Петрухина А.А. рассматривает Организацию Исламской Солидарности (до 2011 г. Организация Исламской Конференции) и описывает ОИС как закрытую организацию, принимающую в постоянных членов только те страны, которые располагают более 50% мусульманского населения, либо президента страны – мусульманина. Считается, что «джихадистский» институт получал финансирование именно через механизм Фонда ОИС[93].

Фундаментализм талибов носил суннистко- ханифисткий характер, хотя изначально само их исламское государство предполагало широкий диалог всех ветвей мусульманской общины. Талибы начали закрывать все университеты школы, оставили только духовные медресе для мальчиков, запретили девушкам выходить из дома без сопровождения мужчин, заставили женщин в обязательном порядке надевать паранджу. Запретили смотреть телевизор, играть в футбол, фотографироваться. В конечном итоге в стране почти не осталось грамотных людей, кроме самой новой бюрократии- талибов и мулл[94]. И именно они, «грамотные» люди, марте 2001 года взорвали гигантских статуи Будды.

---

[91] Мехди Санаи . Мусульманское право и политика. // Мехди, Санаи. Мусульманское право и политика / Мехди Санаи. – М. : ИФ РАН, 2004. – 97 с.

[92] Петрухина А.А. Исламский радикализм как фактор дестабилизации мировой политической ситуации : Автореф. дис. …. канд. политических наук: 23.00.02 / Петрухина Анна Александровна; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2012. – 27 с.

[93] Там же

[94] Карваль М. С. Горькие и поучительные уроки Афганистану – Кабул 2005., стр.125

В начале своего правления талибы поддерживали хорошие отношения с рядом мусульманских стран, в том числе с Туркменистаном[95]. В мае 1999 года, например, они заключили первое экономическое соглашение, которое предусматривало установление авиационного сообщения между Туркменистаном и Афганистаном, а также поставки туркменского газа в Афганистан и участия туркменских специалистов в восстановлении двух афганских электростанции. В стороне не оставалась и Саудовская Аравия, и Пакистан, продолжавшие оказывать помощь в решении стратегических вопросов будущего страны так, как их понимали талибы. Однако с течением времени тесные связи режима талибов с Аль-Каидой, Бен-Ладеном, который фактически стал определять внешнюю политику Исламского Эмирата Афганистан, привели к разрыву дипломатических отношений с Саудией, Арабскими Эмиратами и другими странами. 7 октября 2001 НАТО начала бомбардировки Афганистана. 9 декабря талибы были окончательно свержены, Бен-Ладан и мулла Омар нашли убежище в Пакистане .

Акторами политического процесса в Афганистане времен талибана были институты власти: государство, законосовещательная власть в лице *шуры* (Большая и Малая шура, племенные собрания и общинные сходы-джирги),эмира, этнические группировки, религиозные суннитские, редко - шиитские (например, «Вахдат», Партия исламского единства) группы, отдельные разрозненные группы и вооруженные группировки, оппозиционные различным силам.

Можно утверждать, что прописанный в проекте политического процесса талибов идеал государства был своего рода философской идеей, суть которой раскрывалась в содержании радикального суннисткого политического мышления. Установившаяся в результате в Афганистане

[95] Об экономической политике талибов см. А Ю Лавров Политический ислам в Афгаистане, М-Бишкек, 2010, стр 140-143.

государственная система была *системой имама* - вся власть принадлежала духовному лидеру. Талибы «заменили термин давлат – «государство» термином имарат (эмират) – буквально место пребывания амира, т.е. лидера талибов муллы Мухаммада Омара»[96]. Его власть с течением времени стала практически абсолютной, по сути дела реализовался шмиттовский принцип суверенной диктатуры. Сам диктатор из всех возможных политических стратегий – репрессий, кооптации, строительства политических институтов- реализовывал только и исключительно первую. «Принцип совещательности, формально положенный в основу функционирования органов власти на местах, также не соблюдался»[97].

По сути дела государство талибов было патерналистским традиционным государством, с иерархической вертикальной структурой власти как единственным средством эффективного государственного управления. «Талибы сделали своей социальной опорой средние и низшие слои духовенства, пуштунские племена, проживающие на юге и юго-востоке страны, торговцев, том числе и контрабандистов, а также крестьян, которые получили возможность восстановить разрушенное войной сельское хозяйство, получая доходы от продажи наркосырья»[98] Народ должен был единым в своей вере в Аллаха и тем самым единым с новой государственной бюрократией. Последняя , в свою очередь, была абсолютна уверена в своей непогрешимости и абсолютно искренне считала себя единственным выразителем интересов афганского народа.

Государственная состоятельность Афганистана в период правления талибов неуклонно стремилась к нулю. Уровень развития политических институтов оставлял желать лучшего. Талибы не ввели Конституцию[99]. По их

[96] Давыдов А. Д. Режим талибов в Афганистане. Жесткая исламизация. // Афганистан: война и проблемы мира М, 1998, стр. 49.

[97] Лавров А.Ю. Политический ислам в Афганистане М-Бищкек, 2010, стр. 137.

[98] Там же, стр 154.

[99] Всего в Афганистане с 1923 по 1987 год было принято пять конституций и один временный конституционный акт 1980 году.

мнению, все законы уже зафиксированы в Коране, поэтому множить сущности без нужды просто нет необходимости. Шариату нет альтернативы, поэтому создавать какие-либо дополнительные органы законодательной власти не нужно.

Исполнительная власть первоначально была сосредоточена в Большой и Малой шуре, причем решения принимались строго коллегиально. В дальнейшем Малая шура была распущена, а Большая преобразована в «Высший руководящий совет исламского движения Талибан». Но и этот совет в конечном итоге подчинялся только главе государства мулле Омару. Судебными органами власти были Верховный суд, Генеральная прокуратура, Терейский суд, «Центральный совет по изданию фетв» и местные шариатские суды[100].

Другим важным показателем слабой государственной состоятельности Афганистана стали переменные, отражающие отдельные характеристики режимных трансформаций и различные социально-демографические характеристики, о чем идет речь в системе Мельвиля-Стукала-Миронюка, о которой мы говорили в первой главе настоящей работы, в контексте критериев государственной состоятельности. Прежде всего, мы имеем в виду высокий уровень физического насилия и практически полное отсутствие гуманитарной безопасности[101]. В первой главе, рассуждая о подходе постмодернистов к государственности, мы подчеркивали, что по их мнению, государства опираются на насилие для того, чтобы состояться как таковое. Стратегическое насилие строит государство, «охраняет границы» государства и помогает их становлению. С одной стороны насилие создает независимое государство с другой

[100] См об этом Сикоев Р.Р. Правление на основе шариата // Ислам на своременном Востоке. М, 2004. стр 115-128

[101] См о ней М Кукарцева Инструменты исторической науки и феномен Human Security // Методология исторических исследований. М, Институт Всеобщей истории, 2015, стр. 12-25.

стороны, защищает от него своих граждан

Насилие талибов, напротив, практически разрушило их государство, оно стало прямым источником угроз индивиду: физическое выживание, постоянность и упорядоченность условий жизни, защищенность человеческого достоинства, защита частной жизни, свобода выбора и воспроизводства идентичности, совершенно не принимались во внимание, практически отсутствовали. Была предпринята масштабная попытка, во многом успешная, деконструировать инвариантные устои традиционного афганского государства, основанного на кауме, и лишь во вторую очередь на исламе. В силу этих причин можно утверждать, что во многом именно в эпоху государства талибов системообразующие качества афганской государственности были разъедены радикальными исламистскими реформами. В этой связи в заключении этой части работы предложим ряд принципиальных соображений.

Сегодня процесс повсеместного возрождения религии предстает перед процессом политизации религий, как « тотальной идеологии, которая апеллирует к сакральному миру и утверждает его приоритет перед миром профанного». Политизация религии – не использование религии в политических целях, а процесс «проявления» политической составляющей религии» [102].

После Второй Мировой Войны прокатилась волна переворотов по всему мусульманскому миру. В Египте, Сирии и Ираке были свергнуты монархии и учреждены арабские республики. Настала эра национализма, пан-арабизма и идеи секулярного единства, основанного на арабской идентичности, лишенной религиозных элементов. При этом важно, как справедливо отмечает А.В. Митрофанова в статье «Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций», необходимо разделять

[102] Семедов С.А. Политический ислам в современном мире : Автореф. дис. … д-р философских наук: 09.00.13 / Семедов Семед Абакаевич; Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации.– М., 2009. – 72 с.

понятия «религиозного» и «конфессионального» факторов мировой политики[103]. Они не идентичны, поскольку говоря о конфессии, подразумевается организационная сторона религии, ее социальные институты (например, система улемов у суннитов и имамов у шиитов) и неправительственные организации. Религиозный фактор – сторона мировоззренческого порядка. Те, кто занимался исследованием исламских движений того времени, в том числе профессор Ричард Митчелл, были уверены, что эра ислама как политической силы подошла к концу в 1960-х гг. с упразднения Халифата в 1924 году Мустафой Кемалем в Турции и затем с появлением социалистической пан-арабской идеологии, олицетворенной Абдулом Насером[104].

Следуя за Ж. Кормом, мы полагаем, что «мир, вышедший из Второй мировой войны, быстро и успешно структурировался, благодаря особым политическим системам идентичности» [105]. Деколонизирующиеся страны объединились под знаменем «Движения за неприсоединение» и «Лиги арабских государств», откуда появились «новые национализмы светского толка». «Лига» не признает религиозной связи между различными арабскими обществами.

Но когда примерно в 70-х годах прошлого века во многих частях мира был запущен процесс «ресакрализации», то в исламских странах это явление получило особенно сильное развитие. Так, в измененной в 1979 г. статье конституции Египта говорилось: «Принципы исламского права являются основным источником законодательства». В Ливии в 1969 г. ислам был объявлен государственной религией. Конституционные изменения, утверждавшие примат исламской системы правления, были осуществлены в

[103] Митрофанова А.В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» // Век глобализации. – 2008. – № 1. - С. 109-119. – С. 109.

[104] Richard Paul Mitchell, The Society of the Muslim Brothers, Middle Eastern Monographs; 9 (Oxford U.P., 1969)

[105] Жорж Корм. Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна – М.: Институт Общегуманитарных Исследований. – 288 с. – С.29-30.

Пакистане (1973 г.), Иране (1979 г.), Судане (1986 г.), Афганистане (1990 г.) и Йемене (1991 г.).

Г. Мирский полагает, и *мы согласны с его мнением*, что «эти процессы ни в коей мере нельзя считать возвратом к теократической модели раннего ислама; они были инициированы - за редким исключением - самими правящими кругами мусульманских стран, уловившими изменившийся «дух времени» в исламском обществе»[106].

В силу происходящих изменений прослеживаются *две тенденции исламского пути развития*, где с одной стороны используются *западные достижения*, в том числе и модернизация, запущенная в оборот еще при националистическом движении панарабизма и секуляризации государств; а с другой - *фундаментализм* как возврат к первоначальному идеальному исламу и решительный отказ от чуждых заимствований. И в итоге эти две тенденции вступают в конфликт, который ведет к фрагментации массового сознания (и в первую очередь молодежного) в мусульманских странах. Легко попадая под влияние радикальных религиозных течений, идеологии, в равной степени, как и западного образа жизни, молодое население бросает вызов старым формам власти. Относительно легкая мобилизация молодежи для участия в социальных или политических конфликтах лишь усиливает ее потенциал в революционном участии. Было бы ошибкой полагать, что исламистские движения двадцатого века, пытаясь возродить халифаты или эмираты, делали это во имя четкой цели возрождения исламского политического мандата. Скорее всего, они просто еще одни игроки в многовековой дискуссии о релевантности концепции сакрального отношения к государству, принятой в исламском мире.

[106] Мирский Г. Мировые цивилизации в глобализующемся мире. Исламская цивилизация в глобализующемся мире // Мировая экономика и международные отношения. - 2004. - №6. - С.29-37.

Параграф третий

«Система альянса»- особенности государственности Афганистана первого президентства Х. Карзая

После разгрома талибов для Афганистана насупило очень сложное время, между разными группировками продолжались споры, разногласия и соперничество. Масло в огонь, как всегда подливало вмешательство Пакистана, который был против Мохаммада Захир Шаха, бывшего короля Афганистана, который хотел вернуться на родину и участвовать в процессе установления мира и порядка в Афганистане. Агенты пакистанских спецслужб распространяли среди населения слухи о том, что если Захир Шах вернется, то вместе с ним вернуться к власти и те афганцы которые все это время жили на Западе и займут все важные государственные должности. Тогда тем, тем, кто пережил все эти лихие времена, не достанется ничего, они будут подвергнуты репрессиям и даже высылке из страны.

США, в свою очередь, ничего не имели против возвращения Захир Шаха. Америка хотела, чтобы Захир Шах появился в Афганистане как главное лицо в процессе установление мира в Афганистане, но ни как президент Афганистана. В итоге бывший король Афганистана все же вернулся в страну , ему был присвоен титул «отца афганского народа» и стал своего рода национальным символом.

В качестве Президента страны был выбран Хамид Карзай, который, живя в Пакистане, поддерживал связь с американским и европейскими посольствами. Захир Шах был лично знаком с его отцом Абдулахадом Карзаем, который принадлежал к одному из известных племен пуштунов. Сам Карзай - человек сложной судьбы. «Убийство отца Карзая в июле 1999

года, после чего он был избран главой племени, в конечном итоге сыграло свою роль в его победе за пост президента страны; не менее трагично и убийство в 2011 году его младшего брата, Ахмед Вали Карзая. «Я сидел на том же месте, что и сейчас, и разговаривал со своими советниками. И вот я услышал новости. Я не встал со своего стула. Я не ушел из-за своего стола. В тот день у меня был деловой обед с президентом Саркози. Я сказал: «Нет, не надо его отменять. Мы его примем. А затем мы пойдем и засвидетельствуем смерть моего брата. Я поступил так, потому что я ежедневно получаю известия об убийствах, политических убийствах или взрывах бомб, из-за которых афганский народ теряет братьев, семьи. Поэтому для меня в тот день произошел еще один случай, когда афганец потерял дорогого ему человека» [107]. Эти личностные биографемы соединили жизненные судьбы Афганистана и его президента»[108].

В декабре 2001 года состоялась Боннская конференция по вопросу будущего политического устройства Афганистана. Вслед за ней в Кабуле 10-16 июня 2002 года состоялось заседание Чрезвычайной Лоя Джирги, где было сформировано Переходное правительство во главе с Хамидом Карзаем, которому Раббани мирно передал власть в стране. Он занял высший государственный пост главы Временного правительства, а затем Переходной администрации. «Остается только восхищаться тем, как работали Хамил Карзай и члены его правительства в период подготовки Лойя Джирги, обеспечивая стабильность в стране и лояльность различных группировок. Ведь в любом государстве, тем более в Афганистане с его традициями гипериндивидуализма и местного патриотизма, усиленного долгими годами смуты, указы и директивы центральной власти, не обеспеченные финансами, имеют мало шансов быть исполненными» [109]

---

[107] Хамид Карзай: Перед лицом террора, встреча с самым одиноким президентом в мире//http://www.alebedev.ru/media/9681.html (дата обращения 14. 06. 2014)

[108] М Кукарцева, С Вардак. Биографемы политического лидера. // Обозреватель, 2014, № 9… стр,82

[109] Васильев Е. Центральноазиатский перекрёсток. // Россия в глобальной политике, 2003, №1, стр. 127.

Временное правительство Карзая смело начало свое работу: была реконструирована афганская демократия, началась перестройка всех сфер государства . 15 Февраля 2002 года Хамид Карзай подписал Закон о печати, он поддерживал и создавал условия для создания радио и телевидения, журналов и газет, в том числе английском языке[110]. Был подписан Закон о политических партиях, каждый афганец (кроме преступников) могли участвовать в выборах, даже малограмотные люди могли стать депутатами парламента. Была объявлена война с коррупцией, предоставлена свобода вероисповедания религиозным меньшинствам- шиитам и исмаилитам. Хотя Карзай был выходцем и представителем афганского феодализма, он сумел направить страну в новое русло, создать предпосылки для реконструкции государственной состоятельности. «Министр по делам женщин Афганистана г-жа Хасан Бану Гзанфар сообщает, что созданы условия для участия женщин в общественной и политической жизни страны, создана работающая система гуманитарной безопасности женщин. По приказу президента Карзая были созданы органы безопасности против насилия в решении семейных проблем женщин, проживающих в деревнях[111]. Пять млн. детей пошли в школы, в том числе и девочки; молодежь начала обучаться компьютерным технологиям и правилам пользования интернетом. Во внешней политике Карзай тоже сделал немало. В декабре 2002 года был подписан договор между шестью странами, граничащими с Афганистаном (Пакистаном, Ираном, Китаем, Таджикистаном,Туркменистаном, Узбекистаном)в целях обеспечения

---

[110] См об этом : Карзай Х. Мой путь – это путь Афганистана / Х. Карзай – Кабул 2004.

[111] د افغانستان اسلامی جمهوریت
ملت ته حساب ورکول ۱۳۸۴-۱۳۸۵ کالونو
د چارو او اداری لوی ریاست او د وزیرانو شورا دارالنشا(The Islamic Republic of Afghanistan . Working for people ,our nation government over 13 years Consul of Ministers Evaluation and Training Administration Page 53-385

коллективной безопасности (Kabul Declaration on Good-Neighbourly Relations).[112]»[113]

14 декабря 2003 года по 4 января 2004 года вновь состоялось собрание национальной Лоя Джирги, на котором была принята новая Конституция Афганистана, а сама страна получила название «Исламская Республика Афганистан». В 2004 году Х Карзай был выбран Президентом Афганстана, в 2005 году были проведены выборы в парламент. «Высшие государственные должности и ключевые посты в правительстве заняли вернувшиеся из эмиграции технократы, некоторые сторонники Захир Шаха, а также моджахеды- представители «Северного альянса» и других партий, (кроме ИПА)»[114]. В новых политических условиях был запущен и новый политический процесс. Его причина понятна- крах государства талибов. *Проектом* политического процесса в Афганистане стало создание жизнеспособной политической системы, в которой были бы представлены все группы общества этнические, конфессиональные и социальные. Подразумевается сохранение территориальной целостности государства и создание единого гражданского общества, обладающего национальным самосознанием. *Целью* политического процесса было объявлено воссоздание государственности Афганистана, переход его из состояния государства, практически утратившего внутренний и внешний суверенитет, в государство , как минимум, фрагментированное. Предполагалось при сохранении унитарности государства дать отдельным областям определённой доли автономии. Цель граничила с утопией, поскольку предполагала смену конкретной формы государства по западному образцу, а не сохранение сложившегося на протяжении столетий афганского типа государственности, основанного на кауме, на родстве и патронаже. В

[112]Kabul Declaration on Good-Neighbourly Relations// http://www.refworld.org/docid/42ef429e4.html (дата обращения 17.06. 2014)

[113] М Кукарцева, С Вардак. Биографемы политического лидера. // Обозреватель, 2014, № 9, стр, 86..

[114] Лавров. А. Б. Политический ислам в Афганистане, стр 155

Афганистане именно «вокруг сильных личностей складываются как поля притяжения, так и отношения зависимости и преданности»[115].

Политический процесс времен первого президентства Карзая отмечен следующими основными чертами: исламский характер афганского общества; многообразие языков и этносов в Афганистане; необходимость установления политических связей внутри афганского общества; необходимость формирования национального единства. Однако в силу слабости средств реализации процесса, его цель не была достигнута, а политическая система, сложившаяся во время первого президентства Х Карзая мы считаем возможным считать *системой альянса*- разделение власти между духовным и светским лидером. Этот тип системы подразумевает разделение власти между вождем племени (общины) и духовным наставником. Как мы уже говорили, на протяжении нескольких столетий в Афганистане складывалась особая институциональная матрица - каум, но с течением времени особое место в этом механизме занял ислам. Именно поэтому «Х. Карзай и его окружение не могли не учитывать требований ортодоксального мусульманского духовенства, позиции которого заметно усилились в период правления талибов»[116]. С одной стороны именно исламское государство как главный актор политического процесса, сверх-субъект, уверенный в своем праве решать за подданных, как им надлежит обустраивать свою жизнь, играет в системе альянса главную роль. Однако оптимизация сверху часто бывает неэффективна. Дж Скот в книге «Благими намерениями» показывает , что « государство как таковое всегда стремится к *упрощению* общества, дабы сделать его прозрачным для управления. В этом аспекте напряжения между государством и обществом неизбежны и неустранимы. Но как только общество становится полностью прозрачным для государства, исчезает местная монополия на понимание своего

[115] Лалетин Ю.П. Теократия талибов и афганская государственность, // Ислам на современном Востоке, М, 2004, стр 132.

[116] Лаывров А. Ю. Политический ислам в Афганистане, сто. 156.

своеобразия, на гибкость неписаных установлений, на переплетение понятий о приличиях и санкциях при их нарушении. В конечном счете, социум лишается той сложности, которая является залогом не только его стабильности, но и его способности к самоорганизации»[117]. Политическая элита системы –альянса, потерпев неудачу в относительной секуляризации аппарата власти, вынуждена была либо перенимать сторону ортодоксального духовенства, либо уйти. Наиболее вероятными вариантами дальнейшего развития политического процесса в этих условиях можно было назвать либо установление новой жесткой диктатуры, которая подавит любое сопротивление, либо формирование грамотных политических сил, которые готовы к долгой работе и самопожертвованию. При первом президентстве Карзае эта жесткая дихотомия не реализовалась в полной мере: страна не получила ни диктатора, ни вменяемых и дееспособных политических сил. С одной стороны были воссозданы некоторые правоохранительные структуры, во многом напомнившие гражданам существовавшие при талибах отряды религиозной полиции, с другой стороны, многие слои населения, и особенно женщины, получили ряд прав и свобод. Одновременно усилилась коррупция. Большая часть доходов разворовывалась на всех уровнях и вывозилась из страны, в результате чего так и не было восстановлено и половина того, что было разрушено в ходе гражданской войны. Большая часть национального богатства по прежнему была сосредоточена в руках нескольких пуштунских кланов, в то время как подавляющее число населения проживало в нищете. Все это свидетельствовало о том, что система альянса не дала того качества государственной состоятельности, которая создала бы Афганистан как полноценное государство.

[117] Р Фрумкина. Подчиняюсь, но не повинуюсь. // http://polit.ru/article/2006/08/08/skott/ (дата обращения 23 02 2015)

Во второй главе нашего исследования мы рассмотрели трансформацию государственности Афганистана, выявили его институциональную матрицу- каум, рассмотрели систему имама и систему альянса как этапы деконструкции традиционной государственности Афганистана. Было доказано, что государство может менять устаревающие формы государственного устройства, заимствовать элементы чужого социального порядка, но всегда стремится сохранить собственную институциональную матрицу государственности.

Глава третья

Реконструкция государственности Афганистана

Параграф первый

Попытка второго президентства Х. Карзая создать « секулярную систему» государственности - «модель Карзая»

В 2009 году в Афганистане состоялись вторые демократические выборы, проведенные на основе новой Конституции[118]. Президентом вновь был избран Х. Карзай, хотя рост недовольства им со стороны Запада и активное вмешательство последнего в сам избирательный процесс породил волну антизападных настроений в стране. И вновь он оказался в сложной ситуации: уровень физического насилия в стране продолжал оставаться слишком высоким, поэтому проблемы безопасности и прежде всего гуманитарной, не теряли своей исключительной остроты. Не менее сложной продолжала оставаться экономическая ситуация, процветала коррупция. Третьей проблемой оставалась разрушенная инфраструктура, в стране не хватало ирригационных сооружений, электроснабжения, здравоохранение и образование по–прежнему оставляли желать лучшего. Можно также утверждать, что в Афганистане времен второго президентства Хамида Карзая все также имело место традиционное общество. Его ключевыми характеристиками являются «господство традиции над инновацией; зависимость в организации социальной жизни от религиозных и мифологических представлений; циклический характер развития; ориентация на прошлое; авторитарный характер власти; отсутствие отложенного спроса в материальной сфере; материальное производство ради настоящего

[118] Макаркин А. В. Афганистан: вторые президентские выборы// http://www.perspektivy.info/book/afganistan_vtoryje_prezidentskije_vybory_2009-09-01.htm (датат обращения 24. 05. 2015)

потребления.; отсутствие консьюмеризма; особый психический склад – недеятельная личность; ориентация на мировоззренческое знание, а не на точные науки и технологии; отсутствие массового образования; этничность; естественная эволюция; деревенские формы жизни; аморфная социальная структура; локальность развития»[119]. В этих условиях стране была остро необходима хорошо продуманная и теоретическая обоснованная политическая реформа, необходимо было задать новые параметры политического процесса. Но эти параметры задавала все та же внешняя рамка- Запад,- хотя цели и проект совпадали с требованиями и объективным запросом афганского общества. *Цель* этого процесса заключалась в достижении быстрого роста жизнеспособности государства и общества, эффективных ответов на витальные вызовы. *Проект*- создание теперь уже не «альянсной», а секулярной (истинно демократической, по мнению многих политологов) модели политической системы. Ситуация осложнялась тем, что Хамид Карзай, с одной стороны, обладал имиджем «ставленника Запада», а с другой- своего человека, исконного афганца. «В первой половине октября в провинции Нангархар с лозунгами в поддержку Карзая и, одновременно, с антиамериканскими и антизападными заявлениями, впервые выступили местные духовные лидеры. А 28 октября с фактической поддержкой позиции действующего афганского президента выступил влиятельный Совет улемов Афганистана – высший духовный орган страны»[120].

Тогдашние афганские политические функционеры, во многом действовавшие под влиянием внешнего окружения, а именно американцев

---

[119] В.Г Федотова. Модернизация другой Европы. М, 1997, // http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/1997/Fedotova_1.pdf (дата обращения 23 03 2015)

[120] Серенко А. Новая Афганская стратегия // http://www.politrus.com/en/2009/11/01/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F-%D0%B0%D1%84%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F/ (дата обращения 23 04 2015)

и их союзников по НАТО, полагали, что, по крайней мере, два фактора «работали» на необходимость создания секулярной политической системы: угроза со стороны талибов, фундаменталистов и частных вооруженных формирований с одной стороны, и местных политических авторитетов, лидеров, тянущих одеяло политической жизни в стране на себя, что создавало реальную угрозу фрагментации и углубления дальнейшего раскола страны.

Секулярная политическая система означает, что власть сосредоточена в руках одной политической силы и *относительно* свободна от религиозных атрибутов. В досекулярной (сакральной) эпохе религиозные ритуалы и традиции выступают не в качестве отдельных частей жизни социума, а как ее неотъемлемые совокупные взаимосвязанные элементы. «Сакрализация предполагает ориентацию людей, их поведения, мировосприятия, мировоззрения, а также – в конечном счете – всей области политического на религию и церковь как социальный институт (реже – как интеллектуальную традицию), секуляризация же, напротив, означает утрату религией своей социальной значимости, ослабление влияния церкви на индивидуальное и общественное сознание. Процессы сакрализации и секуляризации не линейны, они меняют свою направленность и трансформируются вместе с колебаниями всего пространства человеческой истории в его интеллектуальных, политических, психологических и иных измерениях»[121]. Как полагает Ч. Тэйлор, «существуют зоны секулярного государства, в которых используемый язык должен быть нейтральным. И вполне очевидно, что закон в Парламенте не должен содержать оправдательную статью типа: «В то время как Библия говорит нам, что…»[122].

[121] М Кукарцева, И Колосова.Религия и границы светского общества Политиия, 2014, №3, стр 15.

[122] Taylor, Charles. 2007. A secular age. Cambridge, MA: Belknap Press.- 2011. Why we need a radical redefinition of secularism. In The power of religion in the public sphere, edited by Eduardo Mendieta and Jonathan Vanantwerpen, p. 50 New York: Columbia University Press.

В принципе, секуляризм нехарактерен для стран, где большинство населения исповедует ислам. В этой связи определенный интерес представляет, например, мнение Малколма Брауна, который опровергает теорию несовместимости ислама с дихотомией секулярного и сакрального. Он выдвигает два соображения в защиту своей позиции. Первое – мусульманское общество, как и другие, поддается внешнему влиянию, которое впоследствии нередко становится его составной частью. Второе - секулярное в мусульманских обществах основано на предпосылках, которые вполне оправданно могут быть отнесены к исконно исламским. В качестве примера можно привести феномен национальных движений как секулярного единства , лишенного религиозных элементов [123].

В пользу первого соображения можно привести создание в Афганистане при первом президентстве Карзая профессионального, технократического правительственного кабинета, составленного во многом, как мы уже говорили, из афганцев- эмигрантов, долгое время проведшем на Западе. Кроме того, присутствие в стране Международных сил по содействию безопасности (ISAF) и группировки сил НАТО, введенной для стабилизации обстановки, не могло не сказаться на формировании политической системы секулярного типа.

Второе соображение сложнее применимо к реалиям Афганистана. Подробнее мы поговорим об этом в следующем параграфе данной главы. Здесь же заметим, что достичь в стране с таким разным этическим составом национального единства чрезвычайно непросто.

Факт заключается в том, что на пути реализации реформ в Афганистане стояло мусульманское право и мусульманские институты. Их надо было *или* вписать в новый политический процесс, *или* элиминировать, что трудно было даже помыслить в постталибанском Афганистане, да и

[123] Malcolm D. Brown ‘Islam and the Concept of the Secular’, Indian Journal of Politics and International Relations, 1 (1): 43-60, 2008.

само отклонение от исламского пути развития также было невозможно. Даже спустя несколько лет после поражения талибов определенная часть населения, по разным подсчетам, не менее 15-20% продолжала одобрять их принципы. Многие выступали за шариат, при этом всё же отвергая крайние меры, как например, забивание женщин камнями за неверность мужу. Но большинство все же относилось к периоду господства талибов отрицательно[124]. Тем не менее, исламизация всех сторон жизни пустила столь глубокие корни, что для осуществления необходимых стране реформ их инициаторы были вынуждены прибегнуть к хотя бы частичной секуляризации социально-политических институтов, носивших, как и все другие элементы общественной жизни, религиозный характер.

Положение осложнялось тем, что в Афганистане сформировались две тенденции исламского пути развития, где с одной стороны используется модернизация и секуляризация государств; а с другой - фундаментализм как возврат к первоначальному идеальному исламу. В итоге эти две тенденции постоянно вступали в конфликт, краткую историю которого в виде последовательных трансформаций государственности Афганистана мы рассмотрели в предыдущей главе.

В результате победу все же одержала вторая тенденция, которую можно рассматривать как одно из наиболее мощных проявлений феномена «постсекулярного» в современном мире, и особенно в сферах государственной политики. Попытка демократизации общества привела в конечном итоге к нарастанию исламизации. Применительно к Афганистану это означает, что во времена периодов «относительной» секуляризации, религия никуда не исчезала. Однако для того, чтобы быть эффективным, государство должно оставаться хотя бы частично секулярным, даже если публичная сфера все больше резонирует гласом религии. Секуляризацию

[124] Пластун В.Н. «Новая стратегия» Хамида Карзая и его заокенских спонсоров. // Афганистан в начале XXI в. М, 2004, стр. 22.

же детерминирует *модернизация* страны, точнее говоря этот процесс взаимообусловлен, одно определяет другое и наоборот. «Основная идея модернизации состоит в том, что экономический и технологический прогресс порождает комплекс социально-политических трансформаций, а они, как правило, ведут к радикальным переменам в ценностях и мотивации. Это включает в себя изменение роли религии, карьерных устремлений, уровня рождаемости, гендерных ролей, сексуальных норм. Данные перемены определяют массовый спрос на демократические институты и ужесточение требования к элитам»[125]. Поэтому модернизация нереализуема без демократизации и политических реформ. Важное условие модернизации - развитие науки и образования. Одним словом, модернизация захватывает различные сферы человеческой жизнедеятельности: экономику, политику, культуру, экологию.

Однако наиболее многомерен политический аспект модернизации. По мнению С.Хантингтона: «Политическая модернизация связана с рационализацией власти, дифференциацией структур и ростом политической активности населения»[126]. Политическая модернизация включает в себя «во-первых, расширение территорий и упорядочение административно-политических границ, образование национальных или федеративных государств, усиление центральной (как законодательной, так и исполнительной) власти, и в то же время – разделение властей; во-вторых, способность государства к структурным изменениям в экономике, политике и социальной сфере при сохранении стабильности и внутренней сплоченности общества; в-третьих, включение всё более широких масс населения в политический процесс; в-четвёртых, установление политической

[125] *Р. Ингхарт.* Модернизация и демократия // Демократизация и модернизация. К дисскусиям о вызовах XXI века. М., 2010. С. 166–167.

[126] Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. http://yanko.lib.ru/books/politologiya/huntington-polit_poryadok-ru-a.htm#_Toc182821776

демократии или хотя бы популистского правления, изменение способов легитимации власти».[127]

Еще раз повторим, что для успешного осуществления модернизации политическая система, прежде всего, должна быть готова к обновлениям, то есть к экономическим, социальным реформам, проводимыми государством. Это подразумевает изменение стереотипов поведения и традиционных ценностей, секуляризацию общества и многое другое. Важным аспектом является то, что впоследствии модернизации должно сложиться новое общественное сознание. Но стоит учитывать и тот факт, что спровоцированный модернизацией рост политического сознания и политической активности населения может привести к дестабилизации общества при условии отсутствия параллельного процесса развития политических институтов в государстве[128]. Именно мера развития этих институтов является одним из критериев государственной состоятельности.

К сожалению, такой процесс дестабилизации общества был запущен в Афганистане в период первого президентства Карзая и достиг апогея ко второму электоральныому событию - выборам президента 2009года. Политические интриги , где борьбу за власть вели разнообразные этнические , религиозные и просто бандитские группировки, и в этих интригах сам Карзай тоже принимал непосредственное участие, углубляли фрагментацию страны. Каум, патронаж, традиция понемногу заменяли собой административно- правовую и финансово- хозяйственную деятельность правительства, что вызывало раздражение Запада. Ведь «универсальная

[127] Модернизация: зарубежный опыт и Россия. – М.: РНИСиНП, 1994. – С. 8-9.

[128] Интересный взгляд на термин «политическая модернизация» можно найти в «Новой философской энциклопедии». «Политическая модернизация - это один из аспектов универсального процесса модернизации социальной, роль которого, первоначально подчиненная решению задачи экономического роста, постепенно усиливается до такой степени, что именно политическая модернизация оказывается решающей для успешной трансформации общества традиционного в современное» //Новая философская энциклопедия: В 4 т. –Т. 2. - М.: Мысль, 2010. С. 597 Согласно «Социологической энциклопедии»», «политическая модернизация понимается как изменение политической системы, в т.ч. возрастающее участие в социально-политической жизни различных групп населения через социальные движения, политические партии, группы интересов и т.д., формирование новых политических институтов (разделение властей, политические выборы, многопартийность, местное самоуправление и др.)»//. Социологическая энциклопедия в 2 т. - Т. 1. - М.: Мысль, 2003. - 694 с.

модель модернизации предполагает «расколдовывание» мира традиционных обществ, их рационализацию. Таким образом, наука обретала новое влияние на общество через систему образования. Экономика, получив технический толчок от науки, становилась отдельной сферой человеческой деятельности. Политические институты с веры в мистическое право суверена на власть были перенесены на рационально обоснованный фундамент гражданских прав и ответственного правительства»[129]. . В Афганистане ключевые для политической модернизации институты в их западном толковании, не встретили поддержку в афганском общества, главным образом в силу господства в нем традиционных ценностей и сложившейся веками институциональной матрицы- каума. «Локальные лидеры, не всегда имевшие даже какой-либо официальный статус, определяли характер морально-этической и социально-политической оценки населением той или иной местности любых решений или действий властей или иных сил общенационального характера»[130]. Это дает основание рассуждать о двух вещах. *Во- первых*, о феномене *демодернизации* Афганистана, что и привело к разочарованию Вашингтона и западных европейских столиц в Хамиде Карзае и в «карзаевской коалиции», поддерживающих его афганских политических элитах, которые и в самом деле были замараны в наркобизнесе, коррупции, похищениях людей и т.д. Если модернизация состоит в том, что «человеческий капитал вытесняет – по объему и по значению – все остальные виды капитала, а образованные, работящие, креативные женщины и мужчины» ..становятся главными субъектами политического процесса, то ….демодернизация начинается и кончается

[129] *Михаил Минаков* Демодернизация на пространстве бывшего СССР // http://maxpark.com/community/2552/content/2319234 (ДАТА ОБРАЩЕНИЯ- 15. 01 2014.)

[130] Князев А.А. Северо-восток Афганистана и сопредельные страны: перспективы экономического сотрудничества.// Афганистан в начале XXI в. М, 2004, стр. 47.

обратными процессами…, делает ненужными и труд, и знание»[131]. Именно с этим столкнулось правительство Хамида Карзая времени его второго президентства. Создать относительно секулярную политическую систему не удалось, но удалось избежать и полного демонтажа исконной национальной институциональной матрицы – каума. *Именно это, на наш взгляд, и получило название «карзаевской модели» афганской государственности* и это –наше второе соображение.

В этом заключается вся сложность и даже парадокс второго президентства Х Карзая . Ему не удалось создать новую, конкретную форму государства, но удалось сохранить определенные принципы государственного устройства, стремясь укрепить в стране сильную централизованную власть, прежде всего собственную. «Афганский президент по умолчанию, в самом деле, наделен исключительной, если не чрезмерной властью, за что в региональных СМИ получил прозвище «избранного афганского эмира»[132]. Постепенное ослабление и распад государства на фрагменты, а затем и на отдельных лиц удалось приостановить не в силу присутствия в стране миротворческих сил НАТО, и поддержки Вашингтона, а в силу возврата к национальной традиции. Именно поэтому Запад запустил очередной, новый, политический процесс в Афганистане, где целью стало « ограничение президентской власти Хамида Карзая и стоявших за ним групп влияния»[133].

В этом параграфе мы рассмотрели попытку осуществить политическую модернизацию страны К Карзаем времен его второго

---

[131] А Эткинд. Петромачо или механизы демодернизации в ресурсном государстве» // Новое литературное обозрение. Ресурсы и политический порядок. Неприкосновенный запас. №88 (2/2013) // http://www.nlobooks.ru/node/3432

[132] Омар Нессар Цент изучения современного Афганистана //http://cisa.afghanistan.ru/index.php/press/9-2009-11-15-16-58-54/273-2014-10-13-22-21-33.html (дата обращения 23 04 2015)

[133] Серенко А. Новая Афганская стратегия // http://www.politrus.com/en/2009/11/01/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F-%D0%B0%D1%84%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F/ (дата обращения 23 04 2015)

президентства. Обернувшаяся демодернизацией, при всех безусловных негативах это процесса, эта попытка, тем не менее, способствовала сохранению собственных национальных интересов Афганистана и своей институциональной матрицы. Перед новым президентов встал ключевой вопрос – в каком направлении следует трансформировать нынешнее устройство афганского государства так, что и обратить вспять процессы демодернизации и в то же время сохранить национальную институциональную матрицу.

Параграф второй

Система «государства- нации» как цель политического процесса президента Ашрафа Гани

29 сентября 2014 года состоялась инаугурация нового президента Афганистана Ашрафа Гани. Выборы были сложными, ни один из двух основных кандидатов – Ашраф Гани и Абдулла Абдулла – не имели абсолютной поддержки населения, количество фальсификаций было просто фантастическим. . « И без того хрупкий баланс между четырьмя «центрами силы» - основными группировками местных элит, включая талибов, - оказался нарушенным»[134]. Гани- креатура США, и первое, что вызывает вполне естественные опасения- национальная политика нового правительства. Сумеет ли новый президент создать то самое национальное государство, которое ему, скорее всего «подсказали» сформировать США?

Национальное государство, о ключевых характеристиках которого мы писали в первой главе нашей работы, среди прочего означает, что нация является главным актором внутренней и внешней политики государства. «Судьба каждого народа решается, прежде всего, внутри страны. Движение капиталов и товаров остается целиком и полностью *под контролем государства,* несмотря на то, что факт международной торговли имеет место, активно развивается и является важным фактором национального процветания»[135].

В политологии к пониманию нации существует два подхода: примордиалисткий , где национальность рассматривается как изначальная данность человека, нечто, с чем человек рождается и чего не может выбирать. В этой связи способами достижения единства государства и культуры являются ассимиляция (принудительная или добровольная);

---

[134] Николаев И. Чего ждать Москве от смены власти в Кабуле // Столетие, 29 09 2014 // http://www.stoletie.ru/fakty_i_kommentarii/chego_zhdat_moskve_ot_smeny_vlasti_v_kabule_583.htm (дата обращения 01 05 2015)

[135] Спиридонова ВИ. Глобализация и национальное государство //Судьба государства в эпоху глобализации. М, 2005, стр. 11

приведение государственных границ в соответствие с культурой (распад империй); этнические чистки (изгнание других этнических групп со своей территории); этноцид. Второй подход известен как конструктивисткий, где этнических общность понимается как социальная конструкция, ее создают политики, интеллектуалы и социальные критики, для достижения коллективных целей, консолидации этносоциального и этнополитического пространства. Конструктивизму соответствует идея равноценности наций, надвременность нации, что не исключает длительности и изменений. Нация не является нечто изолированным, но существует только во взаимосвязи с другими нациями, особенно европейскими. Какой из этих подходов релевантен Афганистану- предмет, безусловно, отдельного анализа[136]. Мы в этой связи, сформулируем два важных соображения.

Во- первых, Афганистан населяют множество различных этносов. Пуштуны (афганцы) составляют большинство , таджики – вторая по численности национальная общность, далее памирнцы – горные таджики, хазарейцы, чараймаки, белуджи, курды, рормури и прачи- это- иранские народы Афганистана. К тюрским относят узбеков уйгуров, туркменов, кызылбаши и афшары, моголов, казахов, киргизов. К дардским – куристанцы, пашаи, тирахи, гуджары, джаты. Есть и ряд других, относительно немногочисленных этносов, например, цыгане и арабы[137].

При этом одной из важных проблем, возникающих при изучении самосознания этносов Афганистану, является «социальная стратификация. Уровень материальной обеспеченности и образования разных общественных слоев, характер их деятельности и обыкновенно связанный с этим социальный статус не могут не сказываться на характерных для каждого из таких слоев особенностях культуры»[138] .

[136] Мы все же считаем, при всей спорности этого т тезиса, что конструктивистский.

[137] См об этом Афганистан Справочник. М, 200, стр 31- 40.

[138] Кржевов В.С. Общество, этнос и гражданская нация // Этнос, нация, ценности, М. Канон+. 2015 стр 109..

Новый президент является представителем влиятельного пуштунского племени Ахмадзай. Омар Нессар полагает, что « исторически сложившаяся правда, хотя и негласная, признает главу страны только из пуштунов»[139]. «Афганская государственность скреплялась властью пуштунов.., создававших общеафганское политическое простраснство», - пишет Ю.П.. Лалетин[140]. В дополнение к этому А Гани еще и « демонстрирует образ классического «пуштуна из Америки» - так полушутя-полусерьезно в стране называют тех, кто «пересидел» военные времена за океаном, но сохранил связи с родиной. В свое время возможность перебраться в США считалась счастливым билетом – за океаном многие выходцы из влиятельных семей занимались пропагандой против войны СССР в Афганистане, создавали разные общества и фонды, обзаводились нужными связями. Таким людям очень многие завидовали, их стилю и образу жизни старались подражать»[141]. Сегодня именно такие люди, пуштуны в большинстве, стоят у власти в Афганистане. Они воспроизводят основные параметры сущностных черт афганской власти, сохраняемой на протяжении столетий. В лидере страны и его команде находят выражение уровень образования, черты индивидуального характера, культуры , которые «имели значение для характера режима власти, подбора «кадров» в окружение, оказывающих затем значительное влияние на всю управленческую структуру и определяющих общую картину исторического движения, темпов развития, взаимоотношения с окружающим миров и т.п.»[142]

---

[139] НЕссар О.Портал ЦИСА // http://cisa.afghanistan.ru/index.php/press/9-2009-11-15-16-58-54/272-2014-10-06-04-52-37.html (дата обращения 23 04 2015) .

[140] Лалетин Ю.П.Теократия талибов и афганская государственность //Ислам на современном Востоке, М, 2004, стр. 133.

[141] Пахомов Е. Кандидатский минимум оружия: будущий лидер Афганистана не зависит от результатов президентских выборов// Мир и политика, http://mir-politika.ru/16420-kandidatskiy-minimum-oruzhiya-buduschiy-lider-afganistana-ne-zavisit-ot-rezultatov-prezidentskih-vyborov.html (дата обращения – 12 - 02 2015)

[142] Семенов В.М. Власть в этноисторическом пространстве РОсии. М, 2006, стр 25.

Таджики отодвинуты, Абулла Абдулла, этнический таджик, хотя и имеющий опосредованное родство с пуштунами (его отчим- пуштун знатного рода), постоянно выступает в роли декоративной фигуры, которую Запад просто использует в электоральных событиях. Хотя Абдулла и назначен на пост премьер-министра, но, по сути, в Афганистане такой должности нет и государственной Конституцией не предусмотрено. Основным разногласием между Абдуллой и Гани служит то, что Абдулла изначально требует распределения президентских полномочий между президентом, премьер-министром и парламентом. Гани, несмотря на подписание документа, действительно рвется к единовластному правлению и сосредоточению президентских полномочий в собственных руках»[143].

В дополнение к этому в стране растет число минифеодалов, управляющих своим «производственными» доменами, организованных во многом по принципу этнической принадлежности. Сознательная ассимиляция этнических групп в Афганистане сегодня вряд ли возможна. «Пуштунская группировка выступает за сохранение целостности национальной (по сути дела, пуштунской) государственности и неделимость территории страны. Другая же, воссоздав новый вариант "Северного альянса", начнет борьбу за суверенитет территорий, занимаемых этносами.[144] Если ситуация никак не изменится, то могут начаться широкомасштабные столкновения из-за межэтнического напряжения. В этом случае правительство столкнется с сепаратизом, сецессинизмом, возможно даже с требованием федерализации. Такие *концентраты* этнической специфики сложно «обрабатывать» даже благополучному государству, а в Афганистане с его сложившейся за годы гражданской войны и разрухи пренебрежением к реальным условиям жизни своих граждан, такие задачи

[143] НЕссар О.Портал ЦИСА // http://cisa.afghanistan.ru/index.php/press/9-2009-11-15-16-58-54/272-2014-10-06-04-52-37.html (дата обращения 23 04 2015) .

[144] В. Дубовицкий Афганистан "постмиротворческий": угрозы и вызовы //http://inforos.ru/ru/?module=news&action=view&id=35200 (дата обращения 13.01 2015)

могут оказаться и вовсе не по плечу. Унитарному устройству тогда придет конец, гражданская война окончательно разрушит страну.

Новому президенту предстоит усилить, а то и заново создать, качество политических институтов. Сегодня «побеждают те, кто инвестировал в soft skills, в развитие системообразующих институтов, во все, что связано с человеческим капиталом, в построение инвестиционного климата. Есть hard skills, связанные с качеством работы институтов, и есть общественная парадигма, идеология, на которой все держится. Надо менять качество структуры органов власти, распределение компетенций между ними, … все это, в конечном счете, создают люди, поэтому нужно либо менять людей, либо развивать их, главной является задача развития существующих управленцев», - считает Г.Греф, рассуждая о задачах, стоящих перед Россией[145]. По нашему мнению, этот тезис в полной мере приложим и к Афганистану. Как перед Россией стоит задача реформирования « исполнительной власти, но не конституционных основ»[146], так и перед Афганистаном, только масштаб реформирования в ИРА просто несопоставим по своей глубине и сложности с задачами России. По сути дела это не даже не реформа, а творение заново. Однако в стране, где «правительство, состоит из двух конфликтующих и разрозненных лагерей, результат не может быть эффективным. Кроме того, сформированное в обход конституционного права правительство не может считаться законным. Скорее всего, кабинет министров будет слабым и нежизнеспособным, и обречен на склочное существование», - считает О. Нессар[147] . В стране ждут созыва очередной Лойя Джирги с тем, чтобы возможно, внести изменения в Конституцию и решить назревшие вопросы.

---

[145] Г Греф. «У нас такого за всю историю не случалось» Ведомости, 30 05 2015 // http://www.vedomosti.ru/finance/characters/2015/05/28/594041-u-nas-takogo-za-vsyu-istoriyu-ne-sluchalos (дата обращения 30 05 2015)

[146] Там же

[147] О Нессар . Портал ЦИСА // http://cisa.afghanistan.ru/index.php/press/9-2009-11-15-16-58-54/275-2014-10-13-22-28-45.html (дата обращения 30. 05 2015)

Дело осложняется еще и тем, что иностранные экономические проекты, реализуемые в стране, в том числе и с подачи команды нового президента, далеко не всегда оборачиваются выгодой для государства. Поставляемые технологии не всегда оказываются самыми современными. Крупные проекты часто неэффективны потому, что принимающая сторона не в состоянии работать на поставленном оборудовании, финансирование программ восстановления разворовывается на местах.

Нельзя не учитывать и «неафганский» фактор политического процесса в стране, а именно пакистанский, иранский, центральноазиатский, добавляющий напряженности во внутренней политике государства. Несмотря на заявления американских официальных лиц, есть все основания полагать, что они пришли в Афганистан всерьез и надолго, ведь ослабление военной составляющей урегулирования чревато катастрофическими последствиями. Глава государства в этой ситуации должен найти оптимальный выход, но вряд ли им может стать процесс этнической (национальной) идентификации.

Кроме того, в Афганистане, с присущим ему патернализмом и наличием в массовом сознании политико- психологической доминантны клиентелы, создать национальное согласие очень сложно. Врожденность традиционной институциональной матрицы продолжает сохранять себя во всей системе властных отношений и властной вертикали, выполняя амбивалентную функцию: сохранения институциональной матрицы и препятствия завершению новых политических инициатив. Новому правительству предстоит найти баланс этих функций, придать им взаимодополняющий характер.

Еще одним фактором, осложняющим достижение цели текущего политического процесса- построение государства -нации- в Афганистане, является исламский фундаментализм. Сегодня экстремистские силы, подхватившие знамя и идеологию талибов и Аль- Каиды не уничтожены до

конца, они во многом переместились в соседние страны, в первую очередь в Пакистан. Фактор Исламского Государства никто даже и не пытается сбрасывать со счетов. В этой связи встает вопрос безопасности, как самого Афганистана, так и Пакистана, всего региона в целом. Со стороны Вашингтона «ставка на Пакистан предполагает одновременно «контролируемое ослабление» режима в Кабуле – как условие сдерживания националистических и геополитических амбиций афганской элиты. И реализуемый в сентябре-октябре западный курс на «ограничение» режима Хамида Карзая вполне органично укладывается в логику нового американо-пакистанского взаимодействия.»[148]. Талибы относительно малочисленны, поэтому говорить о том, что они в одиночку могут захватить власть вновь вряд ли возможно. Скорее они «будут стремиться к использованию своей вооруженной силы в политическом доминировании внутри страны»[149]. В контексте наших рассуждений это означает, что население вновь будет воспроизводить стиль жизни, навязанный в свое время исламистами. Например, смерь 27-летней Фархунды в апреле 2015 года. «Она поспорила с муллой, который продавал у мечети женщинам амулеты. Во время спора Фархунду обвинили в том, что она сожгла Коран (представители власти подтвердили, что она на самом деле не делала этого), после чего разъяренная толпа набросилась на девушку. Ее жестоко избили и переехали машиной, после чего ее тело сожгли и сбросили в реку»[150] . Важно, что ряд представителей власти и религиозных лидеров одобрили расправу, что вызвало бурю возмущения в столице. При похоронах женщины не допустили мужчин к телу, сами несли гроб с останками погибшей, что

[148] Серенко А.Н. Новая Афганская стратегия // http://www.politrus.com/en/2009/11/01/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F-%D0%B0%D1%84%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F/ (дата обращения 15 05 2025)

[149] Мендкович. Н. Портал ЦИСА // http://cisa.afghanistan.ru/index.php/press/9-2009-11-15-16-58-54/252-2014-05-31-18-36-32.html (дата обращения 31 05 2015)

[150] В Кабуле прошла волна протестов из-за жесткого убийства девушки // http://www.wonderzine.com/wonderzine/life/news/204939-afghanistan (дата обращения 24 05 2015)

является высшим проявлением женского активизма в исламской суннитской традиции, равно как и активизма гражданского общества в Афганистане. Вместе с тем это свидетельствует и о том, что в афганском обществе *на самом деле* произошли *серьезные* перемены, ведь афганцы, и пуштуны в частности, никогда не относились к исламу с фанатизмом, « и фактически не в меньшей мере , чем Коран , почитали свое племенное обычное право , записанное в кодексе чести «Пуштунвали»[151]. Важно, однако, понимать, что сложившаяся сегодня в Афганистане управленческая вертикаль, бюрократия, все еще отчасти даже открыто поддерживает подобные методы поддержания чистоты ислама, а если и не поддерживает, то часто просто не может им противостоять или противопоставить что-то по-настоящему действенное. К чести кабульских властей все же надо признать, что многие убийцы Фархунды были схвачены и предстали перед судом.

В данном параграфе мы рассмотрели некоторые параметры политического процесса, инициированного новой администрацией страны, но подсказанным Вашингтоном. В этой связи мера самостоятельности политических фигур, оказавшихся у власти, вызывает вопросы, а сама поставленная задача- создание жизнеспособного государства - нации, нам кажется трудновыполнимой. Для ее реализации в первую очередь следует принять меры по поддержанию этнической целостности каждого «скола» афганской этнической специфики, далее укрепить внутриэтнические взаимодействия и связи, а это потребует эффективных форм государственного управления. Тем самым круг замкнулся- для того, чтобы сохранить специфику этнической системы, нужны оптимальные формы управления и регулирования, но чтобы их создать нужна воспроизводящая себя традиция этнического поля, передающаяся от поколения к поколению через семейно- бытовые правила поведения, порядки и обычаи,

[151] Давыдов А.Д. Режим талибов в Афганистане: жесткая исламизация / Афганистан: война и проблемы мира, М. 1998. Стр 49

закрепленные на общегосударственном уровне. А эта традиция во много деконструирована гражданской войной, жесткой исламизацией и и иностранным вмешательством, она выживала только потому, что передается на генетическом уровне, из поколения в поколение.

Параграф третий

Перспективы возрождения государственности Афганистана

По мнению диссертанта, дальнейшие события в Афгнистане, в ходе которых, так или иначе, будет восстанавливаться (или окончательно уничтожаться) его государственность могут развиваться по следующим трем основным сценариям:

Сценарий первый, оптимистичный или полная модернизация.

Успех проекта создания национального государства А Гани; консолидация этносоциального и этнополитического пространства; общество сумеет сплотиться вокруг лидера, общей идеи, вокруг поставленной цели политического процесса. Будет положен конец открытой внутренней конфронтации между таджиками и пуштунами, фундаменталистами и умеренным исламистами, возможно подписано Соглашение о национальном примирении. По результатам этого процесса Афганистан как целостное государство, объявит разоружение всех вооруженных формирований, вывод американских войск, финансовые потоки будут перенаправлены исключительно на проекты восстановления. В скорейшей стабилизации ситуации в стране заинтересовано все мировое сообщество, не просто легитимное, а дееспособное правительство, нацеленное на реформы, а не на затягивание конфликта и продолжение конфронтации, а на конструктивную деятельность – вот проект нового политического процесса в этом сценарии. Его основные параметры мы видим следующими[152]:

Государство: сохраняется в целом как традиционное при проведении «про-западных» реформ: прежде всего государственной бюрократии с акцентом на функции регулирования; индустриализация и экспортно-ориентируемая экономика; преодоление бюджетного дефицита и рост

[152] Матрица параметров см. М Липман, Н Петров. Россия -2020: сценарии развития . Московский центр Карнеги, 2012, №1., стр 48.

бюджетного дохода до $15 млрд, преодоление коррупции и синдрома «заложника чужих экономик»; рост транспарентности, особенно в сфере политического управления и определения стратегических целей развития;

Политические институты: укрепление демократии на основе сочетания западных и исламских образцов;

Партийная система: оптимальное сочетание каумов (родства и патроната) и политических партий, многопартийность, или полноценная двухпартийность, преодоление раскола политических партий.

Выборы: конкурентные, справедливые,

Общество: субъект реформ, динамизм, формирование широкой политической общности афганцев, правящих в Кабуле и в провинциях, консолидация, при сохранении сообществ и кланов, чиновник (он же лидер сообщества) как носитель государственной власти.

Внешняя политика: установление равных, взаимовыгодных отношений с Западом, странами Центральной и Южной Азии, Россией. Вступление в ШОС и конец доминированию США в регионе, союз с Россией и странами ЦА против талибов и ИГИЛ

Сценарий второй, пессимистичный или усиление хаоса и окончательная деконструкция государственности

Сторонники действующей власти и оппозиция не смогут договориться, Вашингтон и Пакистан не перестанут вмешиваться во внутренние дела, механизмы внутригруппового, внутриобщностного сплочения опять не сработают, что приведет к углублению конфликтов, возможно к возобновлению гражданской войны, увеличению количества жертв и беженцев.

Его основные параметры:

Государство: окончательно ***за***крепляется как традиционное в качестве реакции на проведение радикальных «про-западных» реформ, качество управления ухудшается, бюрократия претендует на роль единственного

выразителя интересов государства, единственного субъекта реформ и превращается в главное препятствие реформ; функция регулирования сменяется функцией тотального контроля, рост коррупции; акцент на усилении роли силовых структур, закрепляется импортно- ориентируемая тенденция; укрепление бюджетного дефицита и падение бюджетного дохода ниже $1 млрд,; укрепление синдрома заложника чужих экономик и зависимости от американской финансовой иглы; приобретение хозяйствованием автаркического характера, увеличение трат на военные расходы, и содержание полиции; разрыв системы централизованного государственного устройства, возможно, регионализация , риски сепаратизма и сецессионизма.

Политические институты: деградация, жесткая исламизация в задании системы власти при укреплении там отношений родства и патронажа, закрепление на законодательном уровне льгот и привилегий чиновников (они же лидеры сообщества).

Партийная система: полная абсолютизация каумов, подмена ими иных политических факторов, превращение их в надстройку над политической системой, слияние в них публичной и государственной власти при усилении традиционного ислама; раскол политических партий или экспоненциальное увеличение их количества при полной размытости ключевых требований, или их насильственное закрытие, отмена, и утверждение одной- двух в качестве «руководящих».

Выборы: фальсификация и ритуализация

Общество: раскол афганцев, правящих в Кабуле и в провинциях по этническому принципу; усиление энической напряженности, укрепление закрытости сообществ и кланов, прогрессивное замыкание населения не на идеях, а на лидерах, усиление патернализма в отношениях с лидерами, ;

сокращение психологической дистанции между населением и наркодельцами и террористами, рост траффикинга[153], криминализация жизни.

Внешняя политика: разрыв отношений странами Центральной и Южной Азии, Россией и полная замкнутость на отношениях с Западом, превращение в непросто его младшего партнера, а в марионетку. или, наоборот, полный разрыв с ним, антизападный крен, ставка на ИГ и изоляционизм.

Сценарий третий, компромиссный, умеренно- реалистичный или умеренная модернизация..

Так или иначе вернувшийся к власти Х Карзай вновь будет играть видную роль в государстве Он сумеет создать *реальную* коалицию с оппозицией, в том числе и этнического толка, будут проведены реформы, укреплена внутриэтническая целостность, найден баланс форм государственного управления – жесткого и мягкого; баланс уровня развития системообразующих политических институтов и качества их работы

Основные параметры:

Государство: сохраняется как традиционное при *умеренном* проведении «про-западных» реформ: государственной бюрократии с целью улучшения качество управления; *укрепляется* тенденция к индустриализации и экспортно- ориентируемая *тенденция* в экономике; преодоление бюджетного дефицита и рост бюджетного дохода до $10 млрд, снижение коррупции; формирование культуры подотчетности в сфере политического управления и регулирования.

Политические институты: укрепление демократии как сочетание западных и исламских образцов *при сохранении* санкционирование исламом и каумом системы власти.

---

[153] Рост траффикинга // https://www.dhs.state.il.us/OneNetLibrary/27897/documents/Initiatives/Trafficking/factSheetRu.pdf (дата обращения 07 06 2015)

Партийная система: попытка сочетать каумы и политическую организацию людей, многопартийность,

Выборы: повышение их качества, возможно при сохранении контроля сверху или контроля, осуществляемого внешней рамкой (США, например)

Общество: начало *процесса* формирования политической общности афганцев, правящих в Кабуле и в провинциях, сохранение сообществ и кланов, чиновник (он же лидер сообщества) как носитель и государственной, *и публичной* власти, умеренный рост социальной мобильности, преодоление психологии «самодостаточности», постепенное возвращение в страну активных и образованных граждан.

Внешняя политика: колебание между отношениями партнерства и сотрудничества, и изоляционизмом, прозападный и одновременно про-центрально-азиатский крен. Установление отношений с Россией как с партнером по модернизации. *Возможное* (при урегулировании отношений с Пакистаном, а Пакистана с Индией в рамках их программы вступления в ЩОС) вступление в ШОС, *вынужденный* союз с Россией и странами Центральной Азии и Ираном против объединенных сил талибов и ИГ.

Для реализации каждого из сценариев должны сложиться определенные обстоятельства. Помешать этим сценариям могут возможные сценарные сбои. В случае с Афганистаном даже просто подчитать их возможное количество крайне сложно в связи с огромным числом входящих переменных, появление которых сложно прогнозируемо.

В этой связи воспользуемся элементами методом политического прогноза, используемым М Липман и Н Петровым[154]. Они предложили в анализе такого рода проблем принимать во внимание следующие обстоятельства:

[154] М Липман, Н Петров. Россия -2020: сценарии развития . Московский центр Карнеги, 2012, №1., стр 33.

во-первых, *внешние рамки,* то есть «общий мировой политический и экономический порядок»[155] и, в нашем случае, то место, которое занимает в нем Афганистан. Очевидно, что влияние и ближайших соседей, и США на внутриполитические процессы в стране огромны, и каналы влияния тоже самые разные. Кроме того, процессы мирового экономического развития прямо влияют на возможность присоединения Афганистана даже к региональным рынкам и экономикам, и тем самым на формирование объема и структуры его экспорта и, в конечном итоге, на благосостояние его общества.

Во-вторых, так называемые *драйверы* как система взамообусловленных финансовых и управленческих возможностей государства. Внутренних импульсов для автономного существования сейчас нет, даже армию и полицию Афганистан содержит за счет США[156].

В третьих, *триггеры* как механизмы, запускаемые политическими кризами и «выбросами, накапливаемыми внутренними напряжениями в системе»[157], в первую очередь это межэтническая напряженность, реакция населения на возможные радикальные реформы, ухудшающиеся условия жизни, так, что люди прямо говорят о том, что при Х. Карзае было лучше, и многие призывают его вернуться. Отсутствие механизмов сброса напряжения порождает насилие (как в случае с убийством Фархунды), и может привести к остановке сценария, к возникновению частных целей политического процесса, уводящих его от ключевой.

В-четвертых, *риски*, как микро (краткосрочные) и мега (дальнесрочные) , так и внутренние и внешние, а именно: ошибки в принятии решений, колебания внешних рыков, техногенные и природные катастрофы, слабость политической и социальной инфраструктуры.

---

[155] Там же

[156] Игнатьев И. Афганистан надеется стать полноправным членом ШОС / http://politikus.ru/events/51525-afganistan-nadeetsya-stat-polnocennym-chlenom-shos.html (дата обращения 7. 06 2015) /

[157] [157] М Липман, Н Петров. Россия -2020: сценарии развития . Московский центр Карнеги, 2012, №1., стр 33.

В- пятых, *развилки* как намечающиеся событие большой государственной важности. Например, грядущая Лойа Джирга должна внести изменения в конституцию ИРА с тем, чтобы в стране появился пост премьер-министра. Неясно, во-первых, будут ли вообще приняты эти поправки, а во-вторых, к чему это приведет: к институализации особого «афганского тандема» - Гани- Абдулла; устранению одного из них, (обоих); к возвращению Х Карзая ; к распаду страны; к формированию новых элит и распаду старых? В любом случае Афганистану следует найти механизм согласования интересов этих элит, секулярного и сакрального в обществе и в госуправлении, интересов групп: региональных, традиционных и новых.

Все это вместе делает политический прогноз , который мы дали в виде трех возможных сценариев, вероятностным. Здесь можно вспомнить «теорему или «правило» Байеса, позволяющем выносить решение о наиболее вероятной (наилучшим образом соответствующей действительности) гипотезе с помощью *критерия наибольшего правдоподобия* (правило Байеса является математической основой указанного критерия) «. Суть этого критерия заключается в следующем: все наблюдаемые процессы взаимосвязаны; наблюдая результат этого процесса, мы можем восстановить некий спектр его исходных причин, которые могли в свое время инспирировать существующую в данный момент картину)»[158]. Исходя из этого, мы полагаем, что из всех трех представленных сценариев будущего развития Афганистана, в котором будет на самом деле возрождаться его государственность, наиболее вероятным является третий, названый нами компромиссным, умеренно реалистичным или умеренной модернизацией .Наблюдая результат всех тех политических изменений и процессов, через которые прошел Афганистан, мы, согласно критерию наибольшего

[158] М Кукарцева. Аналитическая философия истории: вчера и сегодня. // Полигнозис, 3 (36)2009, стр 62-71, // http://www.polygnozis.ru/default.asp?num=6&num2=461 (дата обращения 07 06 2015) ; Она же : Круглый стол журнала Вопросы философии» Знание о прошлом в современной культуре.«Вопросы философии» // http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=362&Itemid=52 (дата обращения 07 06 2015)

правдоподобия, полагаем, что институциональная матрица ИРА – каум, наряду с исламом (и монархией), совместно сформировавшие политическое пространство, страны есть ключевая исходная причина становления государственности. Она же является тем результатом, который наиболее оптимально будет реализован именно в этом сценарии.

Заключение.

В диссертации была поставлена цель- выявить базовый инвариант государственности ИРА, транслируемый сквозь ее политические и исторические трансформации и придающий ей жизнеспособность.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи:**

1) упорядочить теоретические подходы к пониманию государственности и государственной состоятельности, выявить критерии последней, применимые к Афганистану;

2) проследить трансформацию государственности ИРА

3) выявить степень соответствия ключевых мусульманских политических систем реалиям политической жизни Афганистана.

4) установить соответствие между целями и проектом политического процесса в ИРА и мерой эффективности политической системы страны;

5) выявить перспективы формирования государственности ИРА, способной придать афганскому обществу жизнеспособность и вывести политический процесс из кризиса.

В ходе работы автор провел тщательное научное исследование, собран достаточный материал, позволяющий решать поставленные задачи.

Было исследовано, уточнено и доказано, что:

Было исследовано, уточнено и доказано, что:

1. Уникальная институциональная матрица государственности-Афганистана *каум* как синтез племенных отношений и клиентелы.

2 Безопасность, жизнеспособность, населения во многом обеспечивали каумы как центры политической и социальной жизни. Деструктивными факторами стали жесткая исламизация страны как реакция населения на непродуманные и радикальные реформы предыдущих правительств. Унификация и индоктринация жизни в Исламском эмирате

талибов породила инерционный сценарий первого президентства Х. Карзая. Режим был несколько ослаблен, немного усовершенствованы механизмы управления, но система в целом законсервировалась и требовала инноваций.

3 Реконструкция традиционной афганской государственности , с началась с «карзаевской модели» государственности.

4 Для страны единственным способом обретения необходимых параметров государственной состоятельности является возвращение к специфическим устоям повседневной жизни в виде, *адаптированном* к реалиям современного общества. Еще во времена второго президентства стало понятно , что сохранить статус-кво, то есть каумы и кланы в *чистом виде,* абсолютно патерналисткую социальную структуру, принципиально невозможно и никому не нужно. Это грозит множественными внутренними рисками. Но и негативные последствия не-афганского, про-западного курса в воссоздании государственности окажутся гораздо более серьезными. Эффективность государственного управления традиционным афганским обществом, устойчивость последнего, возможны только на основе «умного» сочетания, вплетения в социально-политическую ткань общества имманентного ей каума и современных политических институтов.

В диссертации также

1 Рассмотрены признаки государства, традиционного и национального, в том числе в контексте спора между реалистами, либералами и постмодернистами. Рассмотрены трудности современных интерпретаций теории суверенитета, дискуссия вокруг возможной «смерти» государства. Дано рабочее определение государственности как наличия у политического образования системообразующих признаков государства. Под государственной состоятельностью диссертант понимает необходимое *качество государственности,* то есть способность государства оптимально организовывать публичное пространство и отправлять свои базовые функции

В диссертации упорядочены теоретические подходы к пониманию государственности и государственной состоятельности, выявлены критерии последней, применимые к Афганистану; а именно: мера развития политических институтов и характеристики режимных трансформаций

2 рассмотрены принципы мусульманской государственности, концептуализированнные в терминах *уммы, халифата или султаната* обозначены различия по вопросу управления государством между двумя крупнейшими течениями в исламе – суннитами и шиитами

3 рассмотрены некоторые проблемы государственности несостоявшихся и непризнанных государств. Отмечен парадокс: несостоявшиеся государства признаны мировым сообществом, но несостоятельны по целому ряду параметров - отсутствие управления и владения территорией, военные конфликты и гражданские войны, экономический коллапс, дефолт, отсутствие политического равенства и пр. А непризнанные государства состоятельны в экономическом и политическом смысле, но единственным препятствием для их признания является нежелание тех или иных государств признать юридически то, что уже существует фактически.

4 рассмотрена взаимосвязь формирования государственности и протекания политического процесса. В связи с чем рассмотрено ядро политического процесса *п*ричина, проект, средства реализации проекта **,** цели **и** семь его основных характеристик - правовую базу, основных участников, типы, формы, характер политического участия, управление и регулирование, масштаб и кризис политического процесса. Также рассмотрены принципы демократии в политическом процессе и конкретно исламской демократии: *умма* как единство веры и духовных принципов, а не искусственных границ, как в западной демократии, стремление к достижению не только материальных, но и духовных целей, сосредоточение власть не в руках народа, а в воле Бога и его законах, которые соответствуют

истинным интересам человека, *наличие сильного руководителя,* установление так называемых «республиканских династий, лидирующая роль одной правящей партии

5 прослежена трансформация государственности ИРА. Выявлены шесть последовательных трансформаций государственности, В ходе каждой из этих трансформаций – от падения Королевства Афганистан (1973) через Республику Афганистан (1973), далее Демократическую Республику Афганистан(1978), Республику Афганистан,(1987), Исламское государство Афганистан (1992-2001) , Исламский эмират талибов (1996- 2002), Исламская Республика Афганистан (с 2004 по наст. вр.). эрозии подвергался традиционный тип афганской государственности, но историческая преемственность между этими трансформациями ними несомненна

6 доказано, что - наиболее оптимальными из традиционных для мусульманских стран политических систем являются «секулярная» («карзаевская») модель , а иррелеваными- «система имима» и «система альянса»

7 Выявлено, что каждый раз с приходом новой власти в Афганистане задавались новые параметры политического процесса, что не давало возможности сформировать жизнеспособную и эффективную политическую систему.

8 сформулированы перспективы полномасштабного воссоздания государственной состоятельности ИРА. По мнению диссертанта, события могут развиваться по следующим *трем основным сценариям* (не считая возможных сценарных сбоев) : *сценарий первый, , оптимистичный; сценарий второй, пессимистичный; сценарий третий, компромиссный, умеренно- реалистичный.*

Современное состояние исследуемого вопроса характеризуется недостаточной разработанностью в мировой политологической науке . Это во многом объясняется высокой динамикой политических процессов в

Афганистане. Он и сегодня является ареной ожесточенной схватки геополитических интересов ведущих мировых держав. В стране до сих пор происходит формирование политических сил и политического мышления ислама различного толка. Во многом это является последствием иностранного присутствия в стране, сложностью ее межэтнического состава. Для Афганистана традиционным является объединение людей внутри сообществ вокруг лидера. Перове лицо- гарант справедливости, все серьезные конфликты начинались с момента разрыва этой цепи. Можно сделать вывод, что афганский кризис является местом, где сошлись интересы внутриполитического, геополитического, религиозного и этнического характера разных стран. Безусловно, обеспечение своих национальных интересов –вопрос выживания любого суверенного государства. Но вопрос в том, какой ценой. Важно видеть перспективу, с кем именно сотрудничество имеет большую вероятность на успех. Жизнеспособность и жизнестойкость государства определяется тем, чем оно владеет в собственных границах, какими ресурсами оно располагает для выживания и устойчивого воспроизводства. На наш взгляд, применительно к Афганистану это означает сохранение своей институциональной матрицы в сочетании с модернизированным образом жизни.

Список источников и литературы

Официальные документы и источники

1. Концепция внешней политики Российской Федерации;
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года;
3. Конституция Королевства Афганистан 1923 года (Аманулы-шаха)
4. Конституция Королевства Афганистан 1931 года (Надир-шаха)
5. Конституция Королевства Афганистан 1964 года (Мухаммада Захир Шаха)
6. Конституция Демократической Республики Афганистан 1973 года (М Дауда)
7. Конституция Королевства Афганистан 1977 года
8. Основные принципы ДРА 1980
9. Основной закон Республики Афганистан 1987 (Наджибуллы)
10. Конституция исламской республики Афганистан 2004 г

Монографии и статьи на русском языке

11. Афганистан : проблемы войны и мира М, 1996; . Афганистан : проблемы войны и мира М, 1998. Ислам на современном востоке М, 2004
12. Афганистан в начале XXI века М, 2004
13. Ахмедов А. Ислам в современной идейно-идеологической борьбе. – Москва: Политиздат. 1985;
14. Бажанов Е. Войны с исламом не будет // Независимая газета. - 2012. - №194. – С.3.
15. Бажанов Е. П., Бажанова Н. Е., Международные отношения в XXI веке. - Москва, «Восток-Запад», 2011;

16. Бажанов Е.П., Америка: вчера и сегодня, В 2 х т. — М.: Известия, 2005;

17. Бажанов Е.П., Китай и внешний мир. Москва, «Международные отношения», 1990, 351 с.;

18. Бажанов Е.П., Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. Москва, «Известия», 2007, 352 с;

19. Белокриницкий В.Я. Сикоев РР Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М, Институт Востоковедения РАН, 2014, 216 стр.

20. Белокриницкий В.Я. Война в горах. Талибы и пакистано-афганское приграничье//Азия и Африка сегодня, 2012, N 7. С. 24-27.

21. Белокриницкий В.Я. Афганистан и Пакистан: состояние и перспективы (соавтор - С.Н.Каменев) Восток, 2012, 4, с. 165-170.

22. Белокриницкий В.Я. Пакистан: вызовы демократии, управлению и национальному единству (соавтор- В.И.Сотников) – Восток, 2012, 2.

23. Белокриницкий В.Я. The Pashtun-Baluchi Tribal Region Part 1 26.062012, Part II, 27.03.2012, Part III, 28.03.2012// http;//www.journal-neo.com/node/14890, 14891,14892.

24. Белокриницкий В.Я. Предисловие (соавтор - Н.Ю.Ульченко) и статья «Глобализация, регионализация и расходящиеся траектории развития государств Средне-Западной Азии» в кн: Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М., ИВ РАН. Крафт+, 2012, с.5-10 и 12- 35.

25. Белокриницкий В.Я. Социально-экологический кризис в Пакистане: история и современное состояние//История и современность, 2012, 1, с. 164-179.

26. Белокриницкий В.Я. Афганистан и региональная безопасность в Азии- в книге: Научные проблемы безопасности Российской Федерации. Вып. 5. М., Издательство «Известия», 2012, с. 112-119.

27. Белокриницкий В.Я. Предисловие к книге: М.Р.Арунова. ШОС и афганский вопрос. М., Институт Ближнего Востока, ИВ РАН, 2012, с. 3-6.

28. Бойко Ю.П. Национальные государства. М.: «Известия», 2006;

29. Большаков О. Г.: История Халифата. – Москва: Наука. 1989;

30. Васильев А. М. Война в Ираке: региональные и глобальные последствия // Вестник РАН. 2004. Т. 74. № 1;

31. Вебер М.: Избранные произведения. – Москва: Прогресс. 1990; Вебер М.: Хозяйственная этика мировых религий // Избранное. Образ общества. — Москва: Юрист;

32. Глобализация, государство, право, XXI век: сборник // Под ред. Блищенко В.И. М., Городец, 2004.

33. Донцов В. Е.: - Современные шиитские исламские движения и организации на Ближнем Востоке в системе международных отношений. – Москва: ДА МИД РФ И ИАМП. 2001;

34. Дружиловский С.Б. О теории и практике исламского правления в странах Среднгего Востока // Ислам и политика М, 2001.

35. Егоров, С. А. Вооруженные конфликты и международное право, диссертация, 12.00.10, Москва, 1999, С. 285;

36. Ежов Г. Сардар Мохаммад Дауд Хан [Электронный ресурс]. URL: http://www.afghanistan.ru/doc/15127.html (дата об ращения: 15.12.2013).

37. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб, 2004.

38. Закаурцева, Т. А., Внешнеполитическая мысль США (эволюция теории экспансионизма и совершенствование аппарата её реализации в конце XIX- начале XX вв.), диссертация кандидата исторических наук, 07.00.03, Ленинград, 1988;

39. Кравченко. И. И. Бытие политики. – Москва: ИФ РАН. 2001

40. Иванец Г.И., Червонюк В.И. Глобализация, государство, право // Государство и право. - М., 2003 . - № 8. - С. 87-94

41. Иванов О.П., Военная сила в глобальной стратегии США., М., 2008;

42. Ильин М.В. Пределы государственной состоятельности стран мира // Сравнительная политика. - 2011. - № 3. - С.37-45.

43. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы. М., 1999.

44. Классовая борьба в Афганистане во 2-й половине 20 века [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс Максима Штаханова. URL: http://www.shtahanov.ru/statii/afganistan.htm (дата обращения: 15.12.2013).

45. Коргун В. Советский Союз максимально долго пытался воздерживаться от ввода войск [Электронный ресурс]. URL: http://www.mgimo.ru/afghan/134117.phtml (дата обращения: 05.01.2014).

46. Косарев А.И. Происхождение и сущность государства. М., 1976.

47. Крупнов Ю. Путь к миру и согласию в Афганистане определяется позицией, которую займет Россия // Проектно-аналитический доклад. Институт демографии миграции и регионального развития. URL: http://www.idmrr.ru/afghandoklad.html (дата обращения: 25.11.2013).

48. Кувалдин В.Б. Глобализация и судьба нации-государства. Альманах «Космополис». М., 1999.

49. Кувалдин В.Б. Глобализация, национальное государство и новый миропорядок // Полития. - М., 2002. - № 2. - С. 37-51

50. Кукарцева М.А. Постсекулярный мир и мировая политика // Мир и политика. - 2012. - №8 (71). Митрофанова А.В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» // Век глобализации. – 2008. – № 1. - С. 109-119.

51. Кукарцева, М.А.. О Лжи в политике. Обозреватель, 2014, №8.;

52. Кырлежев А. Взаимоотношение концепции прав человека и религиозных ценностей // Континент. – 2007. - № 132.

53. Кырлежев А. Ислам и Запад после 11 сентября // Континент. – 2002. - № 112.

54. Кырлежев А. Постсекулярная концептуализация религии. К постановке проблемы // Государство. Религия. Церковь. – 2012. - №2(30). – С.52-68.

55. Кырлежев А. Постсекулярная эпоха // Континент. – 2004.- № 120.

56. Лавров А. Ю «Политический ислам в Афганистане», М- Бишкек, 2010.

57. Логутков А. Россия угрожает ударами по Афганистану. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/0524_6.shtml (дата обращения: 25.11.2013).

58. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век / Ин-т государства и права РАН. - М.: Спарк, 2000. - 262 с.

59. Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. - М.: Изд-во ГНИ «Искона», 1995. – 717 с.

60. Ляховский А. А., Некрасов В. М. Гражданин, политик, воин. Памяти Ахмад Шаха Масуда. М., 2007. 360 с.

61. Малахов В. Национальные государства перед лицом культурного плюрализма. ЖЗ - Логос, 2006, №2

62. Мальцев Г. В. Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. М., 2000.

63. Мелкумян Е.С. "Ситуация вокруг Ирака и роль постоянных членов Совета Безопасности ООН". Сборник "Ближний Восток и современность". Выпуск 11. Москва, ИИИиБВ, 2001;

64. Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Государственная состоятельность, демократия и демократизация (На примере посткоммунистических стран) // Политическая наука. - 2012. - №4.

65. Мирский Г. Багдадская Головоломка // Россия в глобальной паорлитике , 2003, №1 .

66. Мозель Т.Н., Теоретические основы международных отношений, М., 2000;

67. Морозова Л.А. Влияние глобализации на функции государства // Государство и право. - М.: Наука, 2006, № 6. - С. 101-107.

68. Москаленко В., Топычанков П. Сила и слабость Афганистана. М., 2013.

69. Мустафабейли А.М. К истории развития российско--иранских отношений // Вестник Дипломатической академии МИД России, Россия и мир. 2014, №1

70. Наумкин В.В.: Ислам и мусульмане: культура и политика. Москва. Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования. 2009;

71. Неклесса А. Опасный транзит человечества // Независимая газета. - 2011. - №267. - С.5.

72. Перекрестки мировой политики, отв. ред. Неймарк, М.А., М.,2014;

73. Пойя С. «Линия Дюранда»: 60 лет без мира [Электронный ресурс]. URL: https://afghanistan.ru/doc/17027.html (дата обращения: 15.12.2013).

74. Понятие государства в четырех языках: Сб. статей. Под ред. О.Хархордина. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002. – 218 с.

75. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М.: ИИК «Российская газета», 2006;

76. Рудницкий, А.Ю. Азиатско-Тихоокеанский регион и общемировое развитие Внешняя политика и дипломатия стран Азиатско-тихоокеанского региона, М., 1998.

77. С. Хантингтон: Столкновение цивилизаций. – Москва: АСТ. 2006

78. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина П.И. Государство как феномен и объект типологии. СПб, 2001.

79. Сапронова М. А. Политический процесс в арабских странах. – Москва: МГИМО-Университет. 2008;

80. Сатановский Е.Я.: Конфликт вокруг Ирака: возможные направления развития посткризисной ситуации// Ирак: первые итоги, выводы, уроки. – Москва: Институт изучения Израиля и стран Ближнего Востока. 2003.

81. Смирнов А. В.: О понятии «свобода» в арабо-мусульманской культуре - Историко-философский ежегодник-2003. Москва: Наука, 2004;

82. Смирнов А.В.: История арабо-мусульманской философии: Антология. – Москва: Академический Проект. 2013.

83. Современный мир и геополитика» под ред М Неймарка. М, Канон+, 2015

84. Судьба государства в эпоху глобализации М, 2005;

85. Татаринцев В. М. Африка в современном мире. *М*. 2003;

86. Тихомиров Ю.А. Государство: Монография / Ю.А. Тихомиров. - М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. - 320 с. ISBN 978-5-91768-379-9. @

87. Узланер Д. От секулярной современности к «множественным»: социальная теория о соотношении религии и современности // Государство. Религия. Церковь. – 2012. - №1 (30). – С.8-32.

88. Умнов А. Пуштунская проблема вчера и сегодня [Электронный ресурс]. URL: http://afghanistan.ru/doc/5904.html (дата обращения: 08.01.2014).

89. Хоружий С.С. Антропологические изменения постсекулярной парадигмы // Доклад на рабочем семинаре российско-итальянского исследовательского проекта «Политика, культура и религия в постсекулярном мире» (Фаенца, Италия, 12-14 мая 2011 г.). – С.1-4.

90. Хоружий С.С. Постсекулярный диалог в православной перспективе // Институт синергийной антропологи [Электронный ресурс]:

май, 2012. – Режим доступа: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/05/hor_postsecul_dialog_rodos.pdf

91. Чиркин В.Е. Современное государство. М., 2001.

92. Шварц З. Судьба национального государства // Международная жизнь, 2000, № 10.

93. Штёкль К.Европейская интеграция в русское православие: две перспективы в рамках парадигмы множественных современностей // Государство. Религия. Церковь. – 2012. – №1 (30) . – 57-82.

94. Штоль В. В. Армия «Нового мирового порядка». М.: ОГИ, 2010.

95. Шутов А.Д., Избранные статьи, М., 2009.

96. Юртаев В. И Интеграция и транспорт на пространстве ШОС // Некоторые проблемы международных отношений и внешней политики России (история и современность) / отв. ред. В.Г. Джангирян, А.С. Протопопов. М.: Экон-Информ, 2009. – С. 190-202.

97. Яковлев А.И. Государственная идеология. М. 2001.

Монографии и статьи на иностранных языках

98. Азим Н. М. Дж. Армия и политика во время войн в Афганистане / Н. М. Дж. Азим – Кабул 2013 – 250 с. – ***Персид. яз.***

99. Баэс Дж. М. Обзор политической и культурной ситуации в Афганистане / Дж. М. Баэс – Кабул 2012 – 180 с. – ***Персид. яз.***

100. Зада А. Трагический день в Афганистане / А. Зада – Кабул 2002. – 405 с. – ***Персид. яз.***

101. Карваль М. С. Горькие и поучительные уроки Афганистану – Кабул 2005. – 320 с. – ***Персид. яз.***

102. Карзай Х. Мой путь – это путь Афганистана / Х. Карзай – Кабул 2004. – 260 с. – ***Персид. яз.***

103. Куша Д. Война в Афганистане / Д. Куша – Кабул 2011. – 320 с. – ***Персид. яз.***

104. Мосбах М. Б. Политическая история Афганистана / М. Б. Мосбах – Кабул 2010. – 270 с. **– *Персид. яз.***

105. Рештияк С. К. Афганистан в XX веке / С.К. Рештияк – Кабул 2010. – 350 с. – ***Персид. яз.***

106. Сафарзада М. Х. Годы джихада в Афганистане / М. Х. Сафарзада – Кабул 1995. – 390 с. – ***Персид. яз.***

107. Татин З. Афганистан XXI веке / З. Татин – Кабул 2013 – 280 с. – ***Персид. яз.***

108. Тахир А. М. Жизнь бедных людей Афганистана без одежды, обуви и еды в годы войны / А. М. Тахир – Кабул 2014 – 230 с. – ***Персид. яз.***

109. Фарда Ф. Миростроительство в Афганистане / Ф. Фарда – Кабул 2010. – 264 с. – ***Персид. яз.***

110. Хаваджа А. А. Афганистан в огне / А. А. Хаваджа – Кабул 2013. – 310 с. – ***Персид. яз.***

111. Шелковая промышленность в Афганистане / – Кабул: Министерство иностранных дел Афганистана 2010. – 225 с. – ***Персид. яз.***

112. Political theologies: Public religions in a post-secular world.Bronx, NY: Fordham University Press.P 2-3.

113. Greeley, Andrew M.1966. Aftersecularity: The neo-Gemeinschaft society: A post-Christian postscript. Sociological Analysis 27(3):119–27.- C. 126 Neuhaus,

114. Beckford, James A.. (2012*)* SSSR presidential address public religions and the postsecular: critical reflections. Journal for the Scientific Study of Religion, Vol.51 (No.1). pp. 1-19. ISSN 0021-8294

115. Benjamin Buchholz. Loya Jirga: Afghanischer Mythos, Ratsversammlung und Verfassungsorgan, 2013

116. Bosetti,Giancarlo and Klaus Eder.2006.Post-secularism:Areturntothepublicsphere. Eurozine 17August.Availableathttp://www.eurozine.com/articles/2006-08-17- eder.en.html.

117. Bull, H. The Anarchical Society. – N. Y.: Columbia Univ. Press, 1977.

118. C Nick-Muller. Strategisches versus humanitäres Denken: das Beispiel Afghanistan/ 2009

119. Carlotta Gall. The Wrong Enemy: America in Afghanistan, 2001–2014 Paperback – April 14, 2015

120. D Roters. Der Islam - Hauptkraft des Widerstandes gegen die sowjetische Intervention in Afghanistan Taschenbuch, 2013

121. Derbyshire J. D., Derbyshir I. Political systems of the world. - New York: St. Martin's Press. 1996;

122. Eder, Klaus 2006. Europäische Säkularisierung. Ein Sonderweg in die postsäkulare Gesellschaft [European secularization: A special route to post-secular society?]. Eurozine 7 July.

123. F Kuhn. Sicherheit und Entwicklung in der Weltgesellschaft: Liberales Paradigma und Statebuilding in Afghanistan (Politik und Gesellschaft des Nahen Ostens) (German Edition), 2010;

124. Geoghegan, Vincent.n.d. Religious narrative and postsecularism.Unpublished paper. Belfast, UK: Queen's University Belfast. De Vries, Hent and Lawrence E. Sullivan (eds). 2006

125. Giacomo Luciani. The Arab state. – London: Routledge. 1990;

126. Habermas, Jürgen Michael Reder, Friedo Ricken, and Josef Schmidt, pp. 72–83. Cambridge, UK: Polity.

127. Habermas, Jürgen. 1981. New social movements. Telos 49 (3):33–37.

128. Habermas, Jürgen. 1987. The theory of communicative action: Vol.2 life world and system. Boston, MA: Beacon Press.

129. Habermas, Jürgen. 2002. Religion and rationality, edited by Eduardo Mendieta. Cambridge, UK: Polity Press.

130. Habermas, Jürgen. 2003. The future of human nature. Cambridge, MA: Polity Press.

131. Habermas, Jürgen. 2006. Religion in the public sphere. European Journal of Philosophy 14(1):1–25.

132. Habermas, Jürgen. 2008b. Between naturalism and religion. Philosophical essays. Cambridge, UK: Polity Press.

133. Habermas, Jürgen. 2010. Areply. In An awareness of what is missing: Faith and reason in a post-secular age, edited by Norbert Brieskorn,

134. Habermas, Jürgen. 2011. “The political”: The rational meaning of a questionable inheritance of political theology. In The power of Religion in the public sphere, edited by Eduardo Mendieta and JonathanVanantwerpen, pp.15–33.NewYork: Columbia University Press.

135. Habermas, Jürgen.2008a. Notes on a post-secular society. Sign and Sight. Available at http://print.signandsight.com/features/1714.html,accessedOctober,62008.

136. Hasan Abbas The Taliban Revival: Violence and Extremism on the Pakistan-Afghanistan Frontier Hardcover – June 24, 2014

137. José Casanova, “Secularization,” in International Encyclopedia of the Social and Behavioural Sciences, ed. J. Smelser Neil and Paul B. Baltes (Amsterdam, Paris et.al.: Elsevier, 2001).

138. Micheline Centlivres-Demont edi., "Afghanistan: Identity, Society and Politics Since 1980" Centlivres-Demont , 2014

139. Nettl J. (1968). The State as a Conceptual Variable. World Politics, 20(4). pp. 559-592;

140. Norris P. Inglehart R. Sacred and Secular. Religion and Politics Worldwide. Cambridge, 2004.

141. Philip K. Laurence: Democracy and the liberal state - Dartmouth: Aldershot. 1989;;

142. Pye L.W. The non-western political process. Journal of politics. 1957;

143. Rashid. Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia, Second Edition Paperback – April 13, 2010

144. Richard John.1982.Educational diversity in post – secular America. Religious Education 77 (3): 309 – 320. – C. 309.

145. Robertson D. A dictionary of Modern Politics. - London: Europa Publications Limited, 1993;

146. Roy O Islam and Resistance in Afghanistan. Cambridge, 1986

147. Suleiman Bin Abdul Rahman Al-Hageel: Human rights in Islam. – Riyadh. 2001.

148. T. Barfield. Afghanistan: A Cultural and Political History (Princeton Studies in Muslim Politics), 2012.

149. Tachau F. Political parties of the Middle East and North Africa. - London: Mansell. 1994;

150. Taylor, Charles. 2007. A secular age. Cambridge, MA: Belknap Press.- 2011.

151. Tilly Ch. The Formation of National States in Western Europe. Princeton: Princeton University Press, 1975. 711 p.;

152. Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. Bringing the State Back In. Cambridge University Press, 1985. 404 p;

153. Mann M. The autonomous power of the state: its origins, mechanisms and results. Archives européennes de sociologie 25; 1984

154. Why we need a radical redefinition of secularism. In The power of religion in the public sphere, edited byEduardo Mendieta and Jonathan Vanantwerpen, p. 50 New York: Columbia University Press.

155. Wilson B. Religion in Secular Society: a Sociological Comment. L.: Watts, 1966. P. XIV

Электронные ресурсы

Центр изучения современного Афганистана // http://cisa.afghanistan.ru/